

Ольга ГРОМЫКО
КОСМОЭКОЛУХИ

Ольга Николаевна Громько
Космоэколухи
Серия «Космобиолухи», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946575
Космоэколухи: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1244-0

Аннотация

Работа космического дальнобойщика рутинна и скучна. Ну разве что некондиционный груз попадет, безбилетники на борт пролезут, авария приключится, пассажиры забудут кое о чем предупредить, инопланетные чудища нападут или старые знакомые на огонек бластера заглянут. А так – тишь да гладь... И чего капитан вечно недоволен?!

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

170

Ольга Громыко

Космоэколухи

Горячие авторские благодарности:

Евгении Шпилевой – за помидорную делянку и слово из трех букв,

Людмиле Астаховой – за консультативно-конопляную помощь,

Светлане Дмитриевой – за почти соавторское участие,

Максиму Малявину – за торжество современной психиатрии над космическими мозгоедами,

Андрею Уланову – за то, что не вмешивался,

Анне Полянской – за неизменную моральную и корректорскую поддержку!

Часть первая

Теодор старательно похлопал по земле ладонями, приминая ее и одновременно выравнивая. Нежно-зеленый конопляный побег в центре смотрелся бодрячком – если не знать, что это все, что осталось от роскошного куста. Полина вообще не верила в его воскрешение, но пилот оказался опытным некромантом, и кусок корня, найденный на месте катастрофы, через пару недель таки дал росток. Увы, превратить ком железа обратно в бидон не смог даже Михалыч, и пришлось сажать побег в обычный пластиковый горшок, купленный в портовом магазинчике. Цветочного отдела там не было, но в углу прилавка стояло давно издохшее, затянутое паутиной и уже неопознаваемое растение, чей саркофаг владелец согласился уступить за символическую плату – при условии, что мумию Тед выкинет сам.

Несмотря на тщательную помывку, горшок остался желтым с серыми разводами, однозначно проигрывая бидону.

– Может, череп на нем нарисовать? – прикинул пилот.

– Надо было в настоящий посадить, – хихикнула Полина. – Прихватил бы с базы голову змеелюда, выварил у Вениамина Игнатьевича в автоклаве...

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся Теодор. – Она же маленькая! А кусту нужен горшок хотя бы на десять литров.

– А под рассаду?

Пилот задумался.

– Тед! – Капитанский голос из комма был суров и отрывист. – По-моему, я еще десять минут назад велел тебе подойти к пульту.

– Да, Станислав Федотович, – нехотя отозвался парень.

– И?

– Уже бегу. – Теодор отряхнул ладони и выпрямился. Но вместо того чтобы выполнять приказ, принялся неспешно сметать в горсть просыпанную на стол землю.

– Опять? – сочувственно спросила девушка.

– Девятый за неделю. У них, видать, недавно выпуск в академии был, лезут и лезут! – запальчиво пожаловался пилот, как на тараканов. – Даже зарплата не отпугивает, стажировка важнее.

– Поэтому их отпугиваешь ты, – закончила девушка со вздохом. Не очень, впрочем, укоризненным. – Но, может, пора уже смириться, а? Все равно нам по штату положен навигатор, так что рано или поздно Станислав Федотович его наймет.

– Да я вовсе не из-за этого! – поспешил откреститься Теодор. – Я разве виноват, что мне никто из них не понравился?

– А тебе на нем жениться, что ли?

– Хуже: нам с ним на этой жестянке как минимум месяц летать! От жены хоть на работу удрать можно, а тут некуда! Ты того, прыщавого, помнишь? Ты готова пользоваться

с ним одним душем?! Или ту косую тетку, от которой даже Михалыч шарахнулся? Я с ней полчаса поговорил – потом полдня собственные глаза в одну точку свести не мог. А милая девочка Светочка? Которая на пробу вывела такую трассу, что проще сразу убиться о ближайший астероид, чем тащиться за тем же самым на другой конец Галактики?

– Ладно-ладно, иди уже! – усмехнувшись, перебила Полина. – Может, там тебя ждет твоя судьба.

Теодор скорбно посмотрел на горшок, но решил не перегибать палку и поплелся-таки на капитанский зов.

– Ну наконец-то! – ворчливо приветствовал пилота Станислав. – Знакомься – это Алексей.

Тед с первого взгляда понял, что эта судьба не его. Рядом с капитаном стоял лоценький белобрысый юнец с таким вздернутым носом, будто его приклеили скотчем ко лбу. Ничего особенно противного в облике кандидата не было: сероглазый, с пухлыми губами и немного оттопыренными розовыми ушами, в клетчатом деловом костюме и начищенных до блеска ботинках, но именно это пилоту и не понравилось.

– Привет, – кисло сказал Теодор, протягивая парню руку. Алексей с энтузиазмом коммивояжера ответил на рукопожатие, после чего вздрогнул и озадаченно уставился на свою ладонь.

– Извини, – нахально сказал пилот и отер остатки земли о драные линялые джинсы. – Очень спешил, не успел вымыть. Юнец не рискнул посягнуть на крахмальную чистоту ко-

стюма и так и застыл с неловко оттопыренной рукой.

– Алексей – наш новый навигатор, – с нажимом сказал Станислав, сурово сигналив пилоту бровями: только посмей возразить!

Но Тед все-таки рискнул:

– А почему со мной не посоветовались?

– Я с тобой уже одиннадцать раз советовался, – едко напомнил капитан. – А навигатор нам по-прежнему нужен.

– Нам нужна штатная единица, – многозначительно поправил Теодор. – Потому что навигатор...

– И теперь она у нас есть! – отрезал Станислав. – Так что давай, принимай шефство.

Тед поглядел на Алексея с еще большим отвращением и внезапно заметил, что белобрысый едва заметно, издевательски ухмыляется. Кажется, ему пилот тоже не понравился.

– И чего я с ним должен делать?

– Ну, покажи ему корабль, каюту, рабочее место, с остальной командой познакомь, – бодро предложил капитан. – Алексей у нас еще необстрелянный воробей, дальнего космоса не нюхал, но горит желанием приобщиться.

– Лучший выпускник курса, – «скромно» добавил новичок. – Платиновый диплом.

– Супер, – кисло сказал Тед, в свое время едва-едва натянувший на диплом вообще – правда, по большей части за разгильдяйство в непрофильных предметах. – Ну ладно, пошли, стаж-ж-жер...

Полина, заглянувшая в пультогостинную пятнадцатью минутами позже, обнаружила, что Теодор с серьезным видом знакомит новичка с уборной: где чья зубная щетка, что означают левая и правая кнопка над унитазом, сколько бумажек можно отрывать за раз, как устроена система корабельной водоочистки и почему воду из бачка можно использовать в качестве питьевой только в случае крайней необходимости. Судя по тому, как Алексей морщился и переминался, дальше они пока не продвинулись.

При виде Полины белобрысый оживился и еще больше выпятил грудь.

– Леша, – представился он, украшая голос гортанными нотками, как токующий голубь.

– Очень приятно, – вежливо сказала Полина, прерывая поучительный рассказ Теодора об «устройстве типа «кран сенсорный». Девушка втайне разделяла неприязнь приятеля к новому навигатору, кем бы он ни оказался, но старательно боролась с этим недостойным чувством. – Я Полина, зоолог... то есть медсестра!

– Наверное, на этом корабле очень приятно болеть, – галантно заметил Леша.

– Смотря чем, – буркнул Тед, вообразив Полину с огромной клизмой в правой руке и не менее внушительным шприцем в левой.

– Да, у нас отличный медотсек. Хочешь посмотреть? – предложила девушка, желая избавить приятеля от тягостной

обязанности.

Алексей, разумеется, радостно согласился, но подружеская помощь только ухудшила ситуацию: пилот обиженно фыркнул и поглядел на Полину, как на предательницу. Когда парочка удалилась, Теодор показал клетчатой спине оттопыренный палец, подошел к пульту и плюхнулся в пилотское кресло.

– Ну и как тебе это, а? – поинтересовался он у сидящего рядом Дэна.

– Конкретизируй вопрос, – равнодушно отозвался тот, не отрываясь от экрана.

– Я имею в виду этого дипломированного щеголя! Что ты о нем думаешь?

– Алексей Иванович Васильев, двадцать один год, – помедлив, начал как с листа зачитывать рыжий. – Родился и вырос на Венере, к уголовной и административной ответственности не привлекался, закончил академию с отличием, средний балл – девять целых восемьдесят семь сотых, имеет платиновый диплом, рекомендацию ректора, кубок «Лучший староста потока», грамоту за активную общественную жизнь и значок почетного...

– Спасибо, я и так знаю, что он идиот! – сердито перебил Теодор. – Навязался на нашу голову... И, похоже, уверен, что без навигатора тут горько плачут и ну никак не обойдутся!

– Это соответствует действительности.

– А ты?!

– Я числюсь как техническое оборудование и боевая единица с ограниченными возможностями.

– Дэн, да что с тобой?! – сорвался пилот, так резко и круто разворачиваясь к напарнику, что кресло со скрежетом проехало спинкой по краю пульта. – Ведешь себя как законченный... киборг!

Рыжий поднял на пилота пустые светлые глаза и все тем же бесцветным голосом ответил:

– Я и есть киборг.

– Раньше тебе это не мешало!

– Раньше я пользовался программой имитации личности.

– Ну так включи ее и сейчас!

– Зачем? Вы же все равно будете знать, что это программа. – Дэн отвернулся.

– Треснуть бы тебя хорошенько, – в сердцах сказал Теодор. – Чтоб встряхнулся наконец.

– Тресни.

Тед понял, что и это не поможет, раздосадованно махнул рукой и уставился в свой экран. Ему срочно требовалось кого-то расстрелять, взорвать или размазать по стенке, хотя бы виртуально.

* * *

Всучив Теодору новичка, Станислав Федотович позорно

бежал с корабля «по делам» и сейчас с трудом удерживался от искушения связаться с искином и запросить трансляцию с внутренних камер.

– Да не убьют они его, – успокаивающе сказал Вениамин, заметив, как друг косится на скрытый обшлагом комм. – Не так быстро по крайней мере. Сколько у нас еще до встречи? – Часа полтора.

Станислав, спохватившись, притормозил и огляделся. На Земле он бывал раз десять, но так и не сумел проникнуться нежными чувствами к «колыбели человечества». Несмотря на растянутые повсюду травяные коврики – вдоль тротуаров, на крышах низких домов и полосами на стенах высоток (там трава чувствовала себя похуже, пятнами уходя в желтизну), воздух тут был до того неживой и безвкусный, что в корабле с замкнутым циклом и то дышалось легче. Деревья в мегаполисе не сажали уже с полвека, а последний сквер вырубил лет десять назад: гораздо выгоднее построить на его месте развлекательный центр в пятьдесят этажей, а коврики будут давать в десять – двадцать раз больше кислорода.

Руки бы оторвать гению-биотехнологу, создавшему эту траву. Может, она и задумывалась в помощь природе, но в итоге ее заменила.

– Зайдем? – предложил капитан, кивая на голографическую вывеску ближайшей забегаловки: в столбе голубоватого света над тротуаром парили огромные дымящиеся чашки, тарелки с яичницей и гамбургеры исключительно пластико-

вого вида. Сквозь них равнодушно пробежали в обе стороны прохожие.

– Давай, – охотно согласился Вениамин.

Флайеры, сплошным потоком носившиеся по пятиуровневым трассам, слегка действовали друзьям на нервы. На Новом Бобруйске и двухуровневые были редкостью.

Но едва друзья сделали пару шагов к двери, как их перехватил пузатый мужчина в застегнутом под самое горло плаще.

– Не хотите ли *по-настоящему* вкусно пообедать, господа? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Хотим, – подтвердил Станислав, приняв его за администратора кафешки. – А что у вас есть?

Мужчина оживился, покрутил головой и, не заметив ничего подозрительного, поманил друзей за собой, в закуток на стыке домов.

– Могу предложить вам свежее «ко-ко», – зашептал он, многозначительно похлопывая себя по «животу». Ткань обрисовала что-то бугристое, шуршащее оберткой. – Полтора за сорок, два за пятьдесят.

– Э-э-э... – растерялся капитан. – Вообще-то мы...

– Есть еще «кряк-кряк» и... – «Толстяк» приставил руку ко лбу и сделал какой-то загадочный жест: трижды согнул и разогнул два пальца. – А может, – странный тип понизил голос до зловещего хрипа, и Станислав окончательно убедился, что это не администратор, – вас интересует «наф-наф»?

– Нет. – Капитан нахмурился, давая понять, что и сам ничего не купит, и сурово осуждает подобный бизнес. – Мы не по этим делам.

– Ну и жуйте свой картон, дурачье! – «Толстяк» разочарованно отодвинулся.

– Чего он хотел-то? – поинтересовался Вениамин, уже войдя в кафешку.

Станислав так же озадаченно пожал плечами:

– Похоже, местная наркомафия. Совсем обнаглели: среди бела дня, посреди людной улицы...

Официантка, подошедшая к их столику, был немолода, некрасива и уныла. «Вековые традиции домашней кухни! – гласила хвастливая надпись на стене за ее спиной. – Живой обслуживающий персонал! Бумажное меню! Керамическая посуда! Только сертифицированные ГМО! Почувствуйте себя как дома!»

Станислав вернулся взглядом от надписи к официантке и содрогнулся. Тетка смотрела на него, как настоящая теща. Тещи, правда, у Стаса никогда не было, но капитан сразу ее узнал. Кафе держало марку.

– Мне, пожалуйста, просто кофе, – пробормотал он.

– Какого? – сурово уточнила «теща». – У нас есть черный, капучино, моккачино...

– Черный, – поспешно сказал Станислав. – С двумя кусочками сахара.

Тетка так на него зыркнула, что капитан горько пожалел

о своем гурманстве. Доктор оказался более устойчив к обаянию домашней кухни и добродушно поинтересовался:

– А какой еще есть?

– По-турецки, по-ирландски, – с отвращением принялась перечислять официантка, – по-центавриански...

– А это как? – Вениамин в отличие от консервативного Стаса любил пробовать новые блюда. – Он с чем?

– Ни с чем, – буркнула тетка. – Обычный кофе.

– А человек им не отравится? – на всякий случай уточнил доктор.

– Мужчина, – противным голосом завела «теща», похлопывая себя по ладони так и не раскрытым меню, как скалкой, – у нас *приличное* заведение. Все блюда сертифицированы для трех гуманоидных рас со сходным метаболизмом. К тому же в подарок каждому клиенту полагается капсула с пищеварительными ферментами.

– Хорошо что не рулон туалетной бумаги, – проворчал под нос Станислав.

– Ну тогда давайте по-центавриански, – покладисто согласился Вениамин.

Капитан покосился в окошко. Станный тип исчез: видно, испугался, что Станислав вызовет полицию. По-хорошему и надо было бы, но капитан подозревал, что его в лучшем случае вежливо поблагодарят за бдительность, а в худшем – посоветуют не лезть не в свое дело. «Мафия» и «бизнес» на Земле стали почти синонимами, и это была еще одна причи-

на ее не любить.

– Ничего, завтра мы отсюда уже уберемся. – Доктор как будто прочитал мысли друга. – Что там с нашими подрядами?

– Как ни странно, все вроде в порядке. Полетим с полной загрузкой: две тонны почты для самородских рудокопов, семнадцать контейнеров товаров для мелких попутных магазинчиков и цистерна воды из священного источника. Ее нужно будет забросить в монастырь на Малом Раю, планетке в системе Большой Медведицы. Сейчас последний, самый денежный договор подпишу, на частный спецгруз, и можно выдохнуть.

– Что за спецгруз? – насторожился доктор.

– А, ерунда. Какой-то сентиментальный олигарх, эмигрант с Земли на Лиду, желает встретить Новый год с настоящей живой елочкой. Достал разрешение, оформил ветпаспорт, чипировал ствол и даже застраховал ее на время перелета, так что все совершенно легально, только бери и вези.

– Извилистая трасса получается, – заметил Вениамин. – Этот новенький, Алексей, справится?

– Какая разница? У нас же есть нормальный... – Станислав запнулся. – Ну, почти нормальный навигатор.

– Которого не помешало бы показать психологу, – сочувственно закончил друг.

– Пожаловаться ему, что киборг чувствует себя киборгом?!

– Да не чувствует он этого, в том-то и проблема!

– Тогда почему так себя ведет?!

– Потому что считает, что мы это чувствуем. И что наше прежнее отношение, как к человеку и равноценному члену команды, он безвозвратно утратил. Вот и прячется за бесстрастной личиной, чтобы не получить под дых: «Эй, жестянка, знай свое место!»

– Глупости, никто ему такого не скажет! – возмутился Станислав. – Тед с Полиной пять суток по очереди вахту в медотсеке несли, пока он не очнулся. А сколько денег мы за его ремонт... тьфу, лечение заплатили, вообще вспомнить страшно! Не каждый человек столько за родную мамочку отвалит.

– Я потому и сказал про психолога, – вздохнул Венька. – Чем дальше он изображает отверженного, тем больше и в самом деле отдаляется.

– Может, мне с ним серьезно поговорить? – предложил Станислав. – Объяснить, что мы по-прежнему друзья и одна команда...

– А ты сможешь сделать это достаточно искренне? Не ниже пятидесяти одного процента на голосовом детекторе лжи?

Капитан примолк, задумался. Да, ему действительно хотелось вернуть прежнего, спокойного, рассудительного и одновременно колко-ироничного рыжика, но Станислав знал, что он киборг. А для навигатора это сейчас и было основной

проблемой.

Официантка вернулась и неодобрительно засопела, заставив друзей поспешно убрать локти со стола и вжаться в спинки стульев. Перед Станиславом поставили чайную чашку, на треть заполненную черной жидкостью с пеной подозрительного оттенка, перед Вениамином – мисочку с горстью кофейных зерен и воткнутыми в середину щипчиками.

– Простите, – возмутился доктор, – но вы же сказали, что человеку этот кофе тоже подходит!

– Верно, – подтвердила официантка, – если вы его сгрызете, вам ничего не будет.

– Нет уж, – обиделся Вениамин, – сами грызите! А мне принесите нормального капучино.

– Сами не знают, чего хотят, – буркнула тетка, раздраженно брякая центаврианский деликатес обратно на поднос.

– Домашняя кухня, – иронично заметил капитан. Отхлебнул из чашечки и поморщился: – Знаешь, я бы на твоём месте лучше погрыз.

* * *

К космопорту Станислав подходил в глубокой задумчивости, хотя подарочная капсула не понадобилась, а разговор с заказчиком, бойким старичком в черном деловом костюме, прошёл хорошо. Даже слишком хорошо: капитану долго трясли руку, обзывали его мужественным человеком и за-

ставили взять аванс почти в две трети уговоренной платы. Но старичок Станиславу понравился, на жулика не похож. Может, просто характер такой импульсивный?

– Эй, Стасик! – Вениамин обеспокоенно дернул друга за рукав.

По-прежнему безымянный транспортник стоял в самом отдаленном и пустынном уголке космопорта – по крайней мере тот был таковым, когда друзья уходили. Теперь там гомонила толпа, отрывисто рявкал громкоговоритель и металась красно-синие отблески полицейских мигалок.

«Они его все-таки убили!» – Капитан схватился за комм, спеша отогнать эту идиотскую мысль.

– Тед, что там у вас за ерунда?!

– О, капитан! – с облегчением отозвался пилот. – А я как раз собирался вас вызывать. К нам под корабль забежала кошка.

– Чего? – Станиславу показалось, что он ослышался. – Какая еще кошка?

– Вроде белая, – нервно хихикнул пилот. – Ее только Михалыч заметить успел и какой-то прохожий.

– А при чем тут это народное гулянье?

– Прохожий позвонил в общество по защите животных, они тут же приехали и уже час пытаются выманить эту скотину. Потом явилась полиция, расставила флажки, чтобы отогнать любопытных, и вызвала службу МЧС...

– А ее-то зачем?

– Оказалось, что снаружи к кошке никак не подлезть, и теперь они хотят вырезать дырку в полу пультагостиной.

– Что?! – Станислав с разбегу вклинился в толпу и принялся энергично сквозь нее продираться. Толпа ворчала, но, видя китель и фуражку, нехотя расступалась. Лента капитана тоже не остановила, как и немолодой полицейский с усталым усатым лицом.

– Вернитесь за ограждение, пожалуйста, – вежливо потребовал он.

– Но я капитан этого судна! – возмутился Станислав.

Полицейский поглядел на него с сочувствием и посторожился, зато к капитану тут же подскочила долговязая девица с микрофоном – некрасивая, но напористая, как торнадо.

– Канал «Младшие и лучшие», специальный репортер и волонтер Общества спасения животных Анастасия Сметанчук, мы ведем репортаж с места событий! – зашебетала она. – Наконец-то нашелся хозяин грузовика, ставшего ловушкой для несчастной кошки, вот уже полтора часа изнывающей там без воды и пищи. Скажите, вы готовы пожертвовать своим кораблем ради спасения маленького бездомного существа? – Микрофон почти уткнулся Станиславу в нос.

– Нет, – честно сказал капитан.

– Это ужасно, – скорбно сообщила корреспондентка в камеру. – Черствость и равнодушие отдельных личностей не устают возмущать нас и, надеюсь, большинство наших зрителей. К счастью, здесь уже работают специалисты, которые

не дадут бедную малютку в обиду! Совсем скоро она окажется в приюте, где ее осмотрят, накормят, стерилизуют и, по результатам психологических тестов, передадут в любящую семью либо гуманно усыпят.

– Не сомневаюсь: малютка придет в восторг, – проворчал Станислав.

Корабль пока был вроде цел, из-под него торчали шесть ног, две из которых энергично дрыгались – то ли спасателю удалось-таки дотянуться до кошки, то ли спасать надо было уже его самого. Полина, стоявшая в открытом шлюзе с видом последнего защитника крепости, тоже заметила капитана и с облегчением помахала ему рукой.

– Так вы дадите нам разрешение на вскрытие корпуса? – снова переметнулась к Станиславу девица.

– И не подумаю, – возмущенно отрезал тот. – Кто его потом латать будет, вы?!

– Не переживайте: страховая компания удовлетворит вашу алчность, – презрительно заявила корреспондентка.

– Через месяц! А у нас вылет завтра утром и скоропортящийся груз.

– Неужели у вас нет сердца?! – патетично воскликнула девица, явно работая на публику.

– У меня есть мозги, – огрызнулся капитан. – А если вам некуда девать время и силы, то берите лопаты и подкапывайтесь к своей драгоценной кошке снизу!

– Мы так и собиралась, – невозмутимо кивнула корре-

спондентка. – Но, к сожалению, покрытие космодрома оказалось слишком прочным, и после поломки второго бура пришлось отказаться от этой идеи.

Станислав только сейчас заметил дырку в бетоне и понял, что дело куда серьезней, чем ему думалось.

– Я не позволю ломать свой корабль, – отчеканил он. – И по закону вы не имеете на это никакого права.

– Пока не получим ордер, – парировала девица. – Но это дело одного-двух часов. Мы запросили его сразу по приезде.

Капитан недоверчиво, чувствуя себя героем дешевого фарса, покосился на полицейского, но тот лишь виновато развел руками.

Поскольку в ловле кошки прогресса пока не наблюдалось (на все увещевания спасателей она отвечала исключительно противным мяуканьем), корреспондентка принялась заполнять дыру в эфире бойкой болтовней:

– Чем выше уровень развития цивилизации, тем мудрее и милосерднее она становится! Вначале люди приручили животных, потом впустили их в свои дома и сердца, а затем признали равными себе. В наше время только асоциальная, психически недоразвитая личность способна хладнокровно убить или, что еще ужаснее, съесть живое существо, отличающееся от нас всего парой тысяч генов. Вслушайтесь в само слово «мя-а-асо» – как омерзительно, первобытно оно звучит! Как будто оборванная, волосатая, дикая толпа сидит у костра, разрывая зубами кровавую плоть!

В животе у Станислава предательски заурчало: он вспомнил, как в студенчестве летал с друзьями в лес на шашлыки.

– Вы не местный, да? – сочувственно поинтересовался у капитана полицейский.

– С Нового Бобруйска.

– Хорошо вам там... – завистливо протянул пожилой слушак. – Всего три миллиарда населения, верно? А у нас – двадцать пять, скоро на головах друг у друга сидеть будем. Человека на улице пристрелят – сто прохожих переступят и не заметят, а сбитую флайером ворону по всем каналам покажут. Недавно подпольного мясоторговца прямо на главной площади линчевали, мы даже вмешаться не успели.

По соседству медленно и величаво приземлилась тяжелая пожарная капсула на антигравитационной платформе.

– Что, будете вымывать кошку из брандспойтов? – насторожился Станислав. Вот только пены в турбинах ему не хватало!

– Как вы могли такое подумать! – возмутилась корреспондентка, обладавшая лисьим слухом: не то с рождения, не то имплантировала для более успешных поисков сенсаций. – Это на случай, если корабль загорится во время спасательных работ.

Капитанское терпение лопнуло. Быстрым шагом подойдя к боку грузовика, Станислав наклонился, стукнул по обшивке кулаком и гаркнул так, что под днищем загудело:

– Брысь отсюда, дрянь блохастая!

Не успела толпа возмущенно ахнуть, как кошка выскочила из-под грузовика, увернулась от трех сачков разом, но вместо того чтобы броситься наутек, взлетела по трапу, проскользнула между ногами у охнувшей Полины и скрылась в корабле. Станиславу она показалась не белой, а серой с темными пятнами. Впрочем, вылезшие следом ловцы были примерно такой же расцветки.

– Ну, поймали? – задрал голову капитан.

– Не успели, – сокрушенно отозвался Теодор из-за Полининого плеча. – Пронеслась мимо меня и куда-то шмыгнула. И все двери, как назло, нараспашку.

Станислав вспомнил о Мосе и похолодел. Если эти идиоты совершенно серьезно собирались прорезать в его корабле дыру, то расковырять вентиляцию, содрав половину внутренней обшивки, они тем более не постесняются!

И тут капитана осенило.

– Простите, но это наша кошка! – громко сказал он, привлекая всеобщее внимание. – Она просто выскочила из шлюза погулять. Спасибо за помощь и сочувствие, но животное уже дома, в кругу любящей семьи. Так что вы тоже расходитесь.

– Мы все равно должны ее осмотреть! – не желала сдаваться Анастасия. – Такой ужасный стресс мог пагубно отразиться на ее здоровье.

– Вот и не стоит подрывать его еще больше. – Станислав стеной встал у трапа, непреклонно скрестив руки на груди.

Полицейский, которому тоже совершенно не хотелось ломать злосчастный транспортник, а потом заполнять кучу отчетов, украдкой подмигнул капитану и сурово объявил:

– В таком случае я обязан выписать вам штраф за пренебрежение хозяйскими обязанностями. Вы должны лучше следить за своим животным и выгуливать его только на поводке. Ведь оно могло залезть под *чужой* корабль!

Капитан мрачно подумал, что это было бы наилучшим выходом.

Корреспондентка отступила, напоследок одарив Станислава таким взглядом, что капитану срочно захотелось выставить вперед какой-нибудь амулет или хотя бы сложить в кармане кукиш. Толпа начала рассасываться, и Вениамин наконец сумел протолкаться к другу.

Увидев сумму штрафа, Станислав слегка позеленел, но починка корабля однозначно вышла бы дороже.

– Поймите мне эту тварь! – зловеще велел капитан, едва шлюз закрылся. – Я слышал, что правильно приготовленное «мяу-мяу» ничем не уступает... – Станислав приставил руку к фуражке и повторил загадочный знак «наркоторговца».

* * *

Кошка обнаружилась в машинном отделении. Она сидела глубоко в переплетении кабелей и сервоприводов, отражая глазами луч Полининого фонарика. Только диоды в фонари-

ке были белые, а зрачки светились красным.

Теодор попытался дотянуться до кошки сперва рукой, потом ногой, но безуспешно. Судя по злобному урчанию, временами перекрывающему шум двигателя на холостом ходу, пилоту крупно повезло.

– Может, монтировкой в нее ткнуть? – разочарованно предложил он.

– Ей же больно будет! – возмутилась Полина.

– В том-то и смысл.

Девушка оглянулась на Михалыча, надеясь найти поддержку хотя бы у него, но техник сурово пошевелил бровями, тоже не одобряя кошку в качестве элемента двигателя.

– Давайте лучше подождем, пока она проголодается и сама вылезет, – с надеждой предложила зоолог.

– Твой Мося не вылез, – бессердечно напомнил Станислав.

– Но мы же знаем, где она! Надо просто немножко времени, чтобы она успокоилась и поверила, что мы ее не обидим...

– На ее месте я бы не был так доверчив. – Не то чтобы Теодор ненавидел кошек, просто ему нравилось поддразнивать подругу. – Кстати, не хочешь устроиться волонтером в здешнее общество защиты животных? Они тебе очень обрадуются – у них жуткая текучка кадров.

– Почему? – удивилась девушка.

– Их убивают капитаны продырявленных кораблей, – за-

могильным тоном сообщил пилот и бессовестно заржал.

– Тед!!!

– Вот что, Полина, – Станислав внезапно осознал, как он устал и проголодался, – даю тебе час. Либо ты выманишь оттуда эту паразитку, либо я достану ее сам. Исключительно асоциальным способом. Ясно?

– Да, Станислав Федотович! – Девушка умчалась к холодильнику за каким-нибудь кошачьим лакомством, пока капитан не передумал. Остальные неспешно пошли следом, не забыв задраить дверь в отсек: заново искать безбилетницу по всему кораблю совершенно не хотелось.

Видеть в навигаторском кресле белобрысого было очень непривычно. Алексей, кажется, вполне освоился на новом месте и бойко стучал по биоклавиатуре, просматривая рабочие материалы: звездные карты, последние сводки из галактической полетной базы, наброски маршрутов. Теодор поморщился: со стороны это выглядело так, будто новичок копается в чужом белье – при живом-то хозяине.

Дэн заканчивал накрывать на стол, даже не оглянувшись на вошедших. Впрочем, благодаря прямой связи с корабельным искином киборг всегда знал, кто из команды где находится. Да и слух у него был намного острее.

Алексей, напротив, при виде начальства вскочил и вытянулся по струнке:

– Здравствуйте, Станислав Федотович! Как съездили?

– Нормально. – Капитан с досадой покосился на Дэна.

Сейчас его даже ребенок не спутал бы с человеком: стеклянный взгляд, неестественно ровная осанка и быстрые, точные, но какие-то механические движения. Если б не новичок, Станислав, пожалуй, не сдержался бы и таки на него рявкнул – хоть и понимал, что это бесполезно. А может, Венька ошибается, и их Дэн умер на операционном столе? А пиратским хирургам удалось спасти только процессор? – Как тебе у нас, нравится?

– Да, все отлично! – с уже слегка раздражающим, но вполне понятным энтузиазмом воскликнул новый навигатор. – Я и не ожидал, что такой... не очень новый корабль будет оборудован по последнему слову техники!

– Ну не совсем уж по последнему, – справедливости ради заметил Станислав, хотя двадцать лет назад подобные технологии наверняка считались революционными новинками, а то и секретными военными разработками. – Но жаловаться грех. Дэн, кончай мельтешить! – все-таки вспыхнул капитан. – Я что, безрукий, сам себе кипятка не налью? Садись!

Киборг послушно отставил чайник и сел на самом дальнем конце стола. Потому что его обычное место, между Полиной и Тедом, успел занять ничего не подозревающий Алексей.

* * *

Вечером (правда, не через час, а через все три, когда уже

стемнело) Полина гордо предъявила капитану картонную коробку, ходившую ходуном и издававшую непечатные звуки. Судя по царапинам на руках и даже лбу девушки, кошка дорого продала свою свободу.

– И что с ней теперь делать? – робко спросила зоолог. Любви к животным у нее несколько поубавилось, но пускать пленницу на рагу все равно было жалко.

Капитан успел поужинать и отдохнуть, поэтому благоклонно посмотрел на коробку и велел:

– Отнеси подальше от корабля и выпусти.

Полина приободрилась, сделала умильную рожицу и с надеждой завела:

– Станислав Федотович, а может...

– Полина, – с нажимом сказал капитан, давая понять, что решение окончательное и обжалованию не подлежит, – животным на корабле не место. Сегодня она в двигатель залезла, завтра на пульт во время маневра прыгнет. К тому же эта кошка явно родилась и выросла на улице, там ей будет гораздо лучше.

Девушка насупилась и поплелась выполнять приказ.

В темноте земной космодром напоминал маленький провинциальный городок – только вместо домов вдоль «улиц» стояли корабли. «Район» грузовиков был самым темным, тихим и безлюдным: команды дальнобойщиков разбежались по барам и ночным клубам, вознаграждая себя за воздержание во время рейсов... если, разумеется, было на что гулять.

Светились только корабельные маячки и, голубым и алым, разметка взлетных площадок. Космодром окружало силовое поле, но настоящей оградой казалась стена из стоящих бок о бок небоскребов. Уж они-то сияли сверху донизу, будто слепянские плесневые сталагмиты.

Полина воровато огляделась, чувствуя себя индейцем в резервации. Под чей бы вигвам подкинуть этот томагавк? Если Станислав Федотович прав и кошка живет здесь с рождения, кто-то ее подкармливал – или поблизости есть помойка. Ага, возле ворот вроде бы стоял мусорный контейнер!

Память девушку не подвела: контейнеров оказалось даже несколько. «Для бумаги», «Для пластика», «Для технического мусора»... о, «Для органики»! Полина замешкалась – вытряхивать ли кошку из порядком разболтавшейся коробки или кинуть вместе с ней, сама выберется (а то уж больно царапины саднят!), – как вдруг за спиной раздалось такое злое: «Ага!», что девушка от страха сама чуть не сиганула в контейнер.

Полина медленно, как застигнутый у вскрытого сейфа грабитель, обернулась – и почти уткнулась коробкой в Анастасию, торжествующую одновременно как журналист («Сенсация! Наш корреспондент раскрыл страшное злодеяние на космодроме!») и как волонтер ОСЖ («Чутье меня не подвело: под покровом темноты эти мерзавцы решили расправиться с беззащитным и безответным существом!»).

– Что там у вас, а?

Соврать, что просроченные консервы, Полина не успела. Кошка громко представилась сама.

– Что вы делаете с бедным животным?! – Анастасия вцепилась в коробку с другой стороны и дернула так, что Полина еле удержалась на ногах. Но коробку не выпустила.

– Ничего! Я... я ее выгуливаю!

– В коробке? – Корреспондентка так опешила, что разжала руки.

– Она у нас очень впечатлительная, – доверительно сообщила Полина, поглаживая коробку. Доносящиеся из нее звуки даже отдаленно не напоминали мурлыканье. – На поводке – нервничает.

– Но какой в этом смысл? Свежий воздух к ней все равно не проникает!

– Как это не проникает? – обиделась зоолог, поворачивая коробку другой стороной. – Вот дырочка!

Корреспондентка приложила к ней глазом, но тут же с визгом отскочила. Длинная когтистая лапа приветственно помахала спасительнице и втянулась обратно.

– Какая... невоспитанная кошечка! – выдохнула Анастасия, причем осуждение в ее голосе явно относилось к «воспитателям». – Может, передадите ее в наш приют? В интересах животного мы стараемся идти навстречу его хозяевам... даже если испытываем к ним неприязнь. Подпишите добровольный отказ от кошки, и мы не применим к вам никаких штрафных санкций.

Полина уже собиралась согласиться (несмотря на неприязнь взаимную), как вдруг вспомнила, что у спасенных зверюшек два выхода из приюта. Судя по краткому, но яркому знакомству с характером кошки, шансов пройти психологические тесты у нее не было.

– Нет, – отрезала девушка, крепко прижимая к себе ящик. – Мы слишком ее любим!

– Но ваш эгоизм губит ее, неужели вы этого не понимаете? – патетично воскликнула корреспондентка. – Вечные перелеты, перегрузки, неправильное питание...

– А про питание-то вы откуда знаете? – обиделась Полина.

– У нее тусклая шерсть, – парировала защитница животных. – Значит, в ее рационе не хватает витамина Е! Небось сухим кормом кормите или вообще объедками со своего стола.

Полина хотела возразить, что вовсе не объедками, а целой жареной куриной ногой, но вовремя вспомнила, что на Земле это приравнивается к каннибализму.

– Мы учтем ваши рекомендации, – ехидно пообещала девушка, разворачиваясь обратно к кораблю. Корреспондентка за ней не пошла, но Полина до самого трапа чувствовала, как ее спину покалывает неприязненный взгляд.

В пультогостиной уже никого не было – все разбрелись по каютам. Капитан вряд ли успел так быстро заснуть, к тому же он любил почитать перед сном, но Полина не рискнула его тревожить. «Ну и ладно, – малодушно подумала она. – Пусть

кошка у меня переночует, а утром решим, что с ней делать».

* * *

Накануне отлета Станислав традиционно спал плохо, с красочными, но скорее муторными, чем страшными сновидениями. Сон более-менее наладился только с рассветом, поэтому нежное: «Доброе утро, милый!» – вызвало у капитана жгучее желание придушить любвеобильную дамочку подушкой. Станислав пощупал вокруг себя в поисках той и другой, но потом сообразил, что голос доносится из коммуникатора.

– Маша! – страдальчески пробормотал Станислав, жалея, что комм надет на руку и у него сложная застежка. Иначе им можно было бы запустить в стену. – Какого черта?! И я же сто раз приказывал называть меня капитаном, неужели так трудно запомнить?

– Доброе утро, милый капитан! – послушно повторил искин. – К тебе гости.

– Кто? – Капитан сощурился на часы. Время было на грани приличия, хотя команда наверняка еще спала. – Что им надо?

– Похоже, это новые клиенты. Обслужишь?

– Заказчики, Маша, *заказчики!* – Станислав кое-как воздвигся с койки, на ощупь сдернул со стула брюки и насадил на голову фуражку. – И да, я с ними поговорю, открой шлюз!

По пути капитан сообразил, что не помешало бы надеть еще и китель или хоть рубашку, чтобы произвести на «клиентов» более выгодное впечатление, но было поздно: оные уже заходили в пультогостиную. Точнее, заползали.

То, что побольше, напоминало вставшего на дыбы кузнеца: длинное тощее тело, треугольная голова с огромными фасетчатыми глазами, черный хитиновый покров, причудливо расписанный ярко-синими и алыми пятнами, и четыре парных пучка щупалец вместо верхних лапок. Нижние заменял толстый змеящийся хвост.

То, что поменьше – раза эдак в полтора, – походило на матрешку, сделанную по мотивам первого чудища. Щупальца плотно прижимались к бочкообразному телу, подбородок лежал на выростах-складках шеи, как на стопке блинов, а пятна были крупнее, но бледнее и реже.

Несколько секунд Станислав тупо пялился на гостей, пытаясь понять: вправду ли он вышел из каюты или всего лишь перевернулся на другой бок и эта абстракция ему снится.

– Дж-ж-жоброе ур-ро, кптан, – булькнул-проскрипел высокий, и Станислав наконец определился: перед ним действительно стоит парочка меракийцев. Прежде капитан видел их представителей всего пару раз, раса была мирной и малочисленной, хотя уже давным-давно открыла выход в космос. То ли размножались медленно, то ли не смогли жить на других планетах. Хотя вон, стоят даже без респираторов.

– Доброе, – согласился Станислав, старательно подавляя

зевок: вдруг инопланетянин решит, что человек скалит на него зубы! – Чем могу служить?

– Дс-с-спетчер кс-смопо-орта со-обс-сцил нам, что вы нх-хнаправляетесь в секхто-о-ор В сорок шесть. – Меракиец говорил на космолингве очень правильно, но так странно растягивал либо, напротив, сминал слова, что было ясно: его горло предназначено для совсем иных звуков. Станислав Федотович присмотрелся и понял, что гость издает их на вдохе, раздувая брюхо.

– В том числе, – вежливо ответил капитан, припоминая, что Мерак находится в этом же секторе. – Хотите, чтобы мы туда что-то доставили?

– Т-та. – Инопланетянин коснулся парой щупалец своего по-прежнему безмолвного и как будто чем-то одурманенного спутника. – Нахс-с-с.

– Но это не пассажирское судно, – слегка растерялся капитан. – Боюсь, мы не сможем обеспечить вам должный уровень комфорта. К тому же... – Станислав замаялся, намекая, что понятия не имеет о жизненных потребностях меракийцев. Может, им озонированный воздух нужен, кислотный душ или вакуумный туалет.

– Нах-хша ра-а-аса крайне непкри-ихотлива, – развеял капитанские опасения инопланетянин. – Мы способны сществовать в ку-уда больтшем ди-ипазоне темпртур, с-сред и изслучений, чем люуди. На-ахс ус-строит лубо-ое пмщение, где мы смжем вытха-ануться во весь росхт и прхстегнуться на-

а-а время пшерегрузок.

– У нас есть несколько свободных кают, – признался Станислав, все еще колеблясь. – Но мы не рассчитывали на пассажиров, придется срочно пополнять запасы провизии и воды...

Синие отметины на лбу меракийца потемнели еще больше.

– Нхе сто-оит бс-спкойства, – проскрипел он. – В эт-то время ци-ыкла мы не птаемся.

– Но почему бы вам просто не купить билет на один из этих красавцев? – Станислав кивнул на ряд почти одинаковых межзвездных лайнеров, различающихся только корпоративной расцветкой.

– Мы опздали на-а свой рейхс, – инопланетянин мелко задрожал боками, выражая скорбь или досаду, – а схледующий букдет тлько чрез не-еделю. Мы нхе-е мо-ожем позволить с-себе такую з-задержку: два, от си-илы тхри дня. Вы – нахш еди-инственный ша-анс попахсть на Мера-ак в-время.

– А зачем вам туда? – неделикатно, но благоразумно поинтересовался Станислав. Не хватало еще связаться с нелегальными беженцами или, хуже того, преступниками в розыске.

– Трдиции нашей рас-сы, – коротко ответил инопланетянин. – Мы длжны вс-с-стретить семна-адцатый всен-ний пхрилив на родной планете, ина-аче наши жзни утратят

смысл, а ду-уши не верхну-утся в пхародитеель-окхеаан.

– То есть это нечто вроде паломничества? – на всякий случай уточнил капитан.

– Дха-а, – помедлив, подтвердил меракиец. – Хотя в вашем языке дхля этого е-есть более пдходящее сло-ово...

– Мигх-храция, – внезапно подал голос его спутник. И, округлив пасть, издал низкое горловое гудение, едва уловимо меняющее тональность. Первый меракиец ответил ему утробным бульканьем и снова обратился к Станиславу:

– Мы зплатим вам три-ихста едниц. При ухсло-овии, что вы дставите на-ас на Мерак не пзднее чем чхрез пять дней.

– Хорошо, по рукам... в смысле, договорились, – с легкой обидой согласился капитан, догадавшись, что разговор был в духе «да предложи ты ему наконец денег, людей интересуется только это!». – Где ваш багаж?

– С-сдесь. – Инопланетянин бережно переплел щупальца на животе. – Бльше на-ам уже ни-ичего не нжно.

* * *

Оставив меракийцев обживаться в каютах, Станислав задержался в коридоре, почесывая макушку под фуражкой. Надо бы предупредить команду о пассажирах, ибо внезапно встретить их в санузле означало остаться там еще надолго. Но, похоже, все остальные еще бессовестно дрыхли. Только за дверью Полининой каюты слышалась какая-то возня.

Станислав постучался, дождался сонного: «Да, войдите!», и сенсор замка сменил цвет с красного на зеленый.

Едва дверь приоткрылась, как кошка выскочила из-под кровати, проскользнула меж капитанских ног и унеслась в неизвестном направлении.

– Полина! – возмутился Станислав, запоздало подскакивая. – Я же приказал тебе избавиться от этой дряни!

– Я пыталась, – печально зевнула девушка. – Но наткнулась на ту сумасшедшую волонтершу с микрофоном. Пришлось вернуться.

– Что, она всю ночь у нашего корабля крутилась? – изумился капитан, выглядывая в иллюминатор. За ним поросил мелкий снежок – сто лет назад, до глобального потепления, в середине декабря здесь лежали бы сугробы до пояса. А сейчас земля едва подернулась тонкой белой пленочкой, на которой отчетливо пропечатались чьи-то следы.

– Не знаю, я больше не выходила, – чуть виновато призналась Полина. – Струсила. Если кошка для них ценнее грузовика, то за ее вышвыривание, наверное, полагается смертная казнь.

Станислав поскреб подбородок и нехотя решил:

– Ладно, выпустим кошку в следующем порту. Только поймай ее поскорее, пока она снова куда-нибудь не залезла!

Полина так тоскливо посмотрела на капитана, что тот вспомнил, что сам еще с утра не умывался, не брился, не пил кофе и вообще стоит перед подчиненной босиком и в рас-

тянутой майке. Кашлянув, Станислав коротко сообщил девушке новость и отправился приводить себя в порядок.

К завтраку меракийцы не вышли, повторив, что в этом нет нужды. Даже на халяву.

– Может, они как удавы? – предположил Теодор, без интереса ковыряясь в отбивной земного производства: без добавок, консервантов, красителей и настоящего мяса. – Проглотили по кролику – и месяц переваривают.

– Надо бы на всякий случай в энциклопедии почитать, что там за кроликов они глотают. – Вениамин предпочел булочку с маслом, купленным на отсталой сельскохозяйственной планете, где молоко добывали из допотопных коров, а не из ферментационного аппарата. Масло подозрительно пахло сливками и было плебейского желтого цвета, но доктора это не смущало. – Кстати, кто куриные окорочка доел, признавайтесь? В холодильнике вчера две штуки оставалось.

– Я, – мужественно соврала Полина.

Кошка в отличие от людей экологически чистую и этически безупречную отбивную есть отказалась.

– Ты же не любишь курятину, – удивился Теодор.

– Все познается в сравнении. – Девушка выразительно посмотрела в свою тарелку.

По-хорошему надо было заполнить кладовую еще в позапрошлом порту, но со Станиславом рассчитались только на Земле, там же пришлось и закупаться. Про зарплату команда тактично не напоминала, чтобы не расстраивать капитана

еще больше.

В пультогостиную с опозданием вошел Алексей. Босиком и с ботинком в вытянутой руке.

– У меня такое ощущение, – неуверенно сказал новичок, поднося ботинок к носу, морщась и снова его отодвигая, – что туда что-то пролили.

Алексей, видно, успел притерпеться к запаху, потому что остальные члены экипажа учуяли его без дотошного принюхивания, когда парень только появился в дверях.

– Я бы даже сказал – отлили, – злорадно заметил Теодор, отодвигая тарелку. – Нечего было каюту нараспашку бросать. По инструкции, во время стоянки двери всех отсеков должны быть закрыты, я же предупреждал! Во избежание утечки либо проникновения чужеродной биомассы.

Станислав кашлянул и выразительно посмотрел на пилота. Если бы за каждое нарушение устава гражданского космофлота платили по единице, то за минувшие два месяца Теодор сколотил бы миллион. Каюту, правда, пилот закрывал – чтобы чужеродная биомасса не ужасалась царящему там беспорядку.

– Но я же выходил всего на пару минут, в уборную! – отчаянно защищался Алексей.

– Кошке пары минут тоже хватило.

– А разве она до сих пор на корабле? – изумился новичок.

Полина заерзала под его взглядом и смущенно пообещала:

– Сейчас доем и обязательно ее поймаю.

– А мой ботинок?!

– Хорошо-хорошо, – девушка брезгливо взяла ботинок двумя пальцами за задник, – попробую его отмы... Ой, слышите?

Члены экипажа друг за другом повскакивали с мест и прильнули к иллюминаторам. За столом остался сидеть только Дэн – камеры наружного наблюдения передавали Маше и заодно киборгу изображение сразу с двух точек. По космодрому медленно ехала бронированная машина, сопровождаемая двумя полицейскими флайерами – один спереди, другой сзади. За ней шлейфом тянулась толпа с плакатами на щитах и растяжках. В первом ряду – кто бы сомневался! – маршировала Анастасия, на ходу что-то упоенно вещавшая в микрофон.

– О боже, неужели еще одна кошка? – обреченно предположил Станислав.

– Нет, – получше присмотрелся Вениамин. – Кажется, это наш последний груз доставили.

– Не многовато ли народу для его перевозки? – скептически заметил Теодор. – Станислав Федотович, а что там?

– Елка, – недоуменно пожал плечами капитан.

– Какая еще елка?!

– Самая обычная. – Станислав сверился с записями кома. – Метр сорок, с корнями, в ящике с питательной средой. Какой-то ностальгирующий эмигрант пожелал встретить Но-

вый год с настоящей живой елкой.

– Теперь понятно, почему тот старичок так радовался, что мы согласились ее взять, – обреченно сказал доктор. – Все местные компании понимали, чем пахнет этот контракт.

– Да ну, – не поверил капитан, – это же просто дерево! Какие с ним могут быть проблемы?

Толпа приблизилась настолько, что стали видны надписи на плакатах: «Планета – наш общий дом!», «Не позволим расхищать природные богатства!», «Дерево – не игрушка для олигарха!», «Остановим незаконную древоторговлю!», «Человек – царь природы, а не ее владелец!» и совсем уж феерическое: «Мы все – братья по ДНК!»! Судя по физиономии носителя, ДНК у него было даже не еловое, а дубовое.

– Большие, – вздохнул Вениамин.

– Но это же полный идиоти... – Станислав обернулся и осекся на полуслове.

Кошка стояла посреди стола и лакала кофе из капитанской кружки, засунув туда морду по самые уши. Хвост торчал вверх, как перископ, тут же уловив изменение обстановки. Кошка подняла голову, нахально сказала: «Мяу!» (дескать, ну и гадость вы пьете!), спрыгнула на пол и умчалась в коридор. Опрокинутая кружка закрутилась между тарелками, кофе тонкими струйками потекло на пол сразу с двух сторон стола.

– Какого черта ты ее не схватил?! – рыкнул Станислав на Дэна.

– Вы не приказывали, – вяло ответил рыжий.

Капитан скрипнул зубами, но так и не приказал, понимая, что тогда киборг послушно кинется ловить животное, а это сейчас совершенно некстати. Наскоро поправив фуражку и проверив, не наперекосяк ли застегнут китель, Станислав схватил папку с документами и, прижав ее, словно щит, к себе, отправился на смертный бой с общественным мнением.

Снаружи только этого и ждали. Стоило капитану выглянуть из шлюза, как стоявшая на изготовку корреспондентка развернулась к нему спиной, как к эффектному заднему фону, и дала первый пристрелочный залп:

– Канал «Младшие и лучшие», корреспондент Анастасия Сметанчук. Мы ведем прямую трансляцию с места событий! Нашим постоянным зрителям оно уже знакомо: вчера Общество спасения пыталось достать из-под этого корабля несчастную кошку, загнанную туда безответственностью, а то и жестокостью его хозяев. А теперь эти пособники браконьеров собираются вывезти с Земли *целое дерево!*

Два боязливо озирающихся грузчика как раз выкатили из броневика прозрачный контейнер с елкой. Прямо сказать, Анастасия ей сильно польстила. Метр сорок елка была вместе с горшком и прозрачным куполом, а судя по редким и чахлым веткам, браконьеры оказали ей благодеяние. Но демонстранты уставились на нее так, словно она была по меньшей мере из золота.

– Почему – браконьеров? – Станислав потряс стопкой

справок. – У нас все документы в порядке.

– Коррупция, – презрительно бросила девица. – В то время как планета задыхается под слоем бетона, продажные чиновники без зазрения совести лишают наших детей последних островков дикой природы! Но мы докажем вам, что за деньги можно купить далеко не все!

Капитан недоверчиво присмотрелся к елке. Та как будто виновато съжилась под его взглядом.

– Но в сертификате указано, что она выращена в теплице специально на продажу.

– И что? – ничуть не смутилась корреспондентка. – Дерево должно остаться в родной почве, а не улететь с Земли в неизвестном направлении! А если алчные фермеры начнут выращивать на продажу детей, вы тоже согласитесь их перевозить?

– Но это же совсем другое! – возмутился Станислав.

– Почему? Все божьи создания уникальны и равны друг перед другом! – отчеканила корреспондентка. – Кстати, где ваша «любимая» кошка? Я не удивлюсь, если ночью ее умертвили и выбросили в мусорку, как надоевшую игрушку! – Анастасия сделала такой выразительный жест, что капитан содрогнулся, представив, что в ее руках могла оказаться его шея. – Ну-ка предъявите ее нам!

– Кисонька спит в своей каюте, – выкрутился Станислав. – И я не собираюсь нарушать покой животного ради чьей бы то ни было прихоти. А ваша дикая ель отметит Новый год и

через три месяца вернется на Землю, тогда можете сажать ее куда хотите, хоть посреди космодрома – вон дырка в бетоне уже есть!

– Вы можете гарантировать нам ее возвращение в целости и здравии? – саркастически поинтересовалась Анастасия.

Грузчики подкатили контейнер к входу в грузовой отсек, тут же наперегонки кинулись обратно к броневнику и заперлись изнутри. Станислав поймал себя на мысли, что страстно им завидует. Задраить-то шлюзы несложно, но как взлететь в толпе, плотно обступившей корабль?

Капитан обернулся к столпившейся за спиной команде – посоветоваться, и тут его осенило.

– Я – нет. Но вы – можете! – воскликнул он, шагая навстречу корреспондентке и порывисто хватая ее за руку. – Мне тоже очень не нравился этот заказ, но я не знал, что тут можно поделаться. А теперь знаю! Вы должны полететь с нами и проконтролировать, чтобы с драгоценного дерева не упало ни иголочки.

– Я?! – опешила корреспондентка.

– Вы единственная, кому я могу доверять, – прочувственно заверил ее Станислав. – И кошке нашей вы сразу понравились. Может, хоть в ваши туфли она гадить не будет.

– Это всего на три месяца! – подключился к «уговорам» Вениамин. – Мы выделим вам лучшую каюту, там даже стул есть и откидной столик.

– Три месяца?! – Анастасия попыталась выдернуть руку,

но бывший космодесантник этого словно не заметил, продолжая широко улыбаться волонтерше.

– Примерно две недели придется на стоянки, – «успокоил» ее доктор. – Там можно будет выйти в инфранет и нормально помыться.

– Ой как здорово! – Полина с восторженным визгом повисла у Анастасии на шее и громко чмокнула корреспондентку в щеку. – Вы не представляете, как мне, биологу, тяжело среди *этих* без единомышленницы, с которой можно поболтать многодневными унылыми перелетами! Уверена, мы станем закадычными подругами!

– Вы сможете написать об этом путешествии замечательную статью. – Вениамин совершил актерское мастерство прямо на глазах. – Да что там – целую книгу!

– Но... но я не могу! – Анастасия затравленно огляделась, однако толпа поддержала команду одобрительным ревом и потрясанием плакатами. – Завтра у нас акция протеста против негуманных инсектицидов, послезавтра благотворительный аукцион...

– Ерунда, – отмахнулся Станислав. – То есть, конечно, это очень важные дела, но их вполне можно переложить на другого волонтера. А это – ваш шанс спасти реальную хвойную жизнь! И ваш долг, между прочим, – сурово добавил он и уже всерьез потянул Анастасию в шлюз.

– Отпустите меня! – истерически взвизгнула корреспондентка, раскорячиваясь в проеме.

Капитан тут же разжал пальцы, но устоял на Анастасию с таким укором, что симпатии толпы безоговорочно перемянулись на его сторону. Судя по участвовавшим выкрикам, волонтерше предстояло отправиться в путешествие, даже если для этого ее пришлось бы привязать к фюзеляжу.

Корреспондентка соскочила с трапа, отряхнулась и, словно упавшая на все четыре лапы кошка, как ни в чем не бывало воскликнула:

– В вашей команде есть биолог? Но это же полностью меняет дело! Уверена, во время пути вы сможете обеспечить елке необходимый комфорт и проследите, чтобы она вернулась на родину в целости и сохранности.

– Но это такая большая ответственность... Я не уверена, что справлюсь... – закокетничала Полина, потупившись.

– Справитесь! – решительно заверила ее Анастасия. – Я дам вам значок члена Общества второй степени, он поддержит ваш дух в трудную минуту!

– Я буду носить его с гордостью!

На взгляд Станислава, Полина уже несколько переигрывала, но выпяченная для «награды» грудь успешно отвлекла общее внимание. Засим последовала получасовая патристическая речь корреспондентки и двухминутная вымученная ответная, обмен взаимными любезностями и пожеланиями удачи. Капитану всучили с десятков плакатов «на память» и одного младенца «на поддержать». Какая-то экзальтированная старушка пожелала непременно обняться и расцеловать-

ся со Станиславом, причем отрывать ее пришлось двоим полицейским. Про елку в суматохе чуть не забыли – если б не Михалыч, потихоньку затащивший ее внутрь, так и осталась бы стоять у грузового отсека.

– Дурдом, – выдохнул Станислав, прислоняясь спиной к наконец сомкнувшимся за ней створкам и ошалело мотая головой. В иллюминаторы было видно, как слегка подгоняемая полицией толпа расступается, освобождая взлетную площадку. – Вот что, ребята, давайте-ка поскорее сматываться отсюда, лучше на орбите повисим.

– Точно! – Теодор уже сидел в пилотском кресле, развешивая вокруг себя нужные вирт-окна. – Эй, а это что такое?

– Маршрутный файл, – самодовольно сообщил Алексей. – Я тебе его только что сбросил.

– Но у нас уже была трасса, – возмутился Теодор. – Дэн еще позавчера ее сдал.

– Я видел, – скривился белобрысый. – А теперь гляньте на мою!

– Хм, действительно – на пять дней короче... – Капитан недоверчиво присмотрелся к схеме, но ни одной красной метки, означающей повышенный риск для корабля, на ней не было, да и желтые попадались реже, чем в варианте рыжего. – Как тебе это удалось?

– Искин всегда выбирает усредненные варианты, – скромно пояснил Алексей. – У него нет ни воображения, ни интуиции, поэтому в творческих профессиях он никогда не за-

менит человека.

– Тоже мне, творец. До сих пор как-то летали, и ничего, – проворчал Теодор.

Станислав покосился на Дэна, но тот продолжал сидеть за столом с таким отстраненным видом, будто происходящее его вообще не касалось.

– Ну, значит, теперь будем летать еще лучше, – громко сказал капитан. – Давай, Тед, раскочегаривай жестянку!

* * *

Пролет через таможенную заставил понервничать всех, кроме Алексея, не подозревающего, что документы на киборга у капитана поддельные. Пираты, правда, клялись вернуть Станиславу деньги, если он попадет на фальшивке («Даже с процентами, которые набегут за время вашей отсидки!»), но капитана это почему-то не утешило. Восемь минут, пока сканер обрабатывал полученные данные, показались ему восьмью часами.

Но «фирма» оказалась солидной, и вскоре корабль уже набирал скорость, готовясь сгенерировать первую червоточину. Станислав Федотович, успокоившись, стоял у иллюминатора – момент прыжка был зрелищем, которое никогда ему не надоедало. Космос будто скручивался в воронку, по стенкам которой все быстрее ссыпались звезды, пока корабль не нырнул в беспросветный тоннель, – а затем все повторялось в

обратном порядке. Осознание, что за эту минуту ты проносишься сквозь несколько световых месяцев, а то и лет, придавало моменту особую остроту.

Смешно сказать, но за двадцать лет службы в космолоте Станиславу удалось полюбоваться межпространственным переходом всего пару раз. По уставу, прыжки следовало пережидать в каюте, с закрытыми створками и пристегнувшись к койке. Хотя для чего это нужно, Станислав не понимал: если корабль не выйдет из червоточины, то в каком положении ты воссоединишься с вечностью, значения уже не имеет.

В пультогостиной воцарилась тишина: Теодор и Алексей неотрывно следили за приборами, Михалыч дежурил в машинном, а Вениамин – в медицинском отсеке. Дэн привычно изображал мебель. Только Полина негромко позвякивала посудой, убирая со стола, да изредка сердито сопела, переживая недавние события.

– Ой!

– Пх-хрстите, – извинился высокий меракиец, поразительно бесшумно для такого крупного существа очутившийся у девушки за спиной. – Я не кхо-отел вас-с нпуга-ать.

– Ничего-ничего, я просто задумалась! – Девушка поспешно наклонилась, собирая рассыпавшиеся вилки. – Как вам у нас на корабле? Все в порядке?

– Дха-а, – вежливо подтвердил инопланетянин, – очнь уютхное су-удно. Но, пхже, у ва-ас бхыли какие-то прбле-емы со взслтом?

– Ничего особенного, – поморщилась Полина, складывая вилки в посудомойку. – Природозащитники лютуют.

– Кхто-о? – удивился меракиец.

– Защитники биологических меньшинств от большинства, – не оборачиваясь, ехидно пояснил Теодор. – У вас такие не водятся?

Инопланетянин повернул голову, и в фасетках левого глаза отразился рой крохотных пилотов. В правом остались Полины, с любопытством разглядывающие необычного пассажира.

– Нха на-ашей рдной плане-ете нхет дру-угих ф-форм жзни. То-олько однклтчные во-одрсли и бакте-ерии.

– Думаю, Анастасию это не остановило бы, – мрачно сказала Полина. – Она бы бегала по пляжу с плакатом, собирала выброшенную прибоем тину и выпускала ее обратно в воду. Или хоронила с прочувственными речами.

– Злая ты, – шутливо упрекнул Теодор, откидываясь на спинку кресла и с нажимом протирая натруженные глаза. – А еще зоолог!

– Поэтому и злая, – Полина громко захлопнула дверцу посудомойки и запищала кнопками, выбирая программу, – что видела животных не только в красочном буклетике «Спасем бедных звериков!». Да, они замечательные и каждое по-своему прекрасно, но зачем их очеловечивать, а потом уничтожать, если они не соответствуют нашим ожиданиям? К тому же едва этой тетке предложили кончать болтовню и заняться

делом, как она сдулась и удрала. Такое ощущение, что она не животных любит, а людей ненавидит!

– А ты за людей или за животных?

– Я за биологическое равновесие, – выкрутилась Полина. – А оно жестокое, но справедливое! И вообще, я верю в круговорот душ во вселенной: в этой жизни я человек, в прошлой – бабочка, а в следующей – какой-нибудь разумный таракан с Альфы Центавра. Поэтому елка, может, и не хуже меня, но уж точно не лучше!

Инопланетянин издал низкий булькающий звук, не то имитируя человеческий смех, не то действительно смеясь.

– Дху-умаю, на Мер-ракхе ва-ам бы пнравилось.

– Значит, я могу рассчитывать, что ты жестоко, но справедливо поймаешь кошку и приведешь ее в равновесие с ящиком? – поинтересовался проходящий мимо Станислав.

Прыжок закончился, за иллюминатором снова развернулся звездный океан с ярким маяком по центру – следующей станцией гашения.

– Да, капитан, – пообещала разом поскучневшая Полина. – Сейчас, только со стола доубираю.

Инопланетянин плавно-замедленно, будто его окружала вода, а не воздух, переместился к иллюминатору. Уставился в открытый космос – но не прямо по курсу, а вправо и вверх. Теодор сверился с приборами и уважительно хмыкнул: Мер-рак находился как раз в том секторе, но вычленить его из мириад светящихся точек пока мог только компьютер.

– Мы тхо-очно успе-ем ту-уда до с-семнадцатого при-или-ва... зха пять днеей?

– По моим расчетам, мы будем там уже через четыре, – заверил его Алексей, вставая и сладко потягиваясь. Бросил снисходительный взгляд на киборга. – А то и через три с половиной, если пилот не подведет.

Меракиец удовлетворенно хлюпнул и пополз обратно в каюту.

– «Не подведет»? – зловеще переспросил Тед. – Это ты на что намекаешь?

– Ну мы же напарники, – недоуменно хлопнул белесыми ресницами Алексей. – И должны доказать, что достойны этого гордого звания.

– То есть выпендриваться друг перед другом?!

– Стремиться к совершенству, – высокопарно поправил его новый навигатор. – А легкий дух соперничества способствует этому как нельзя лучше.

– Раньше мы прекрасно обходились без него, – огрызнулся пилот.

– Так у тебя и напарника-то раньше не было, – снисходительно напомнил Алексей. – Не считать же таковым киборга, который выполнит любой хозяйский приказ, даже если тот отдан полным идиотом.

– Вот что, салага! – взорвался Теодор. – Я буду вести корабль так, как предписано инструкцией, а не чтобы что-то тебе доказать, ясно?! Если надо будет – то и две недели! И

месяц!

– Эй, чего ты разнервничался? – мигом пошел на попятную Алексей. – Конечно, веди, как умеешь. Я же не требую от тебя прыгать выше головы.

– Да откуда ты вообще знаешь, где моя голова?!

– Тед! – сурово окликнул капитан. – Прекрати.

– Но Станислав Федотович!.. – оскорбленно привстал в кресле Теодор.

– Прекрати, кому говорю. Он ничего такого тебе не сказал. – Станислав прекрасно понимал чувства пилота, но это был не повод бросаться в драку.

Тед злобно сверкнул глазами, стиснул зубы и отвернулся обратно к пульту. По уму, Алексею тоже следовало бы замолчать, но это был его первый самостоятельный полет и белобрысого распирало от гордости и трудового энтузиазма. Приложить оный, к сожалению, пока было некуда: экипажу предстояли двое суток монотонного перелета до станции.

– А чем вы занимаетесь в свободное время? – пристал новичок к Полине.

– Вообще-то оно потому и называется свободным, что можно не заниматься ничем, – отшутилась девушка. – Ну, книжки читаем, фильмы смотрим, болтаем...

– И все? – изумился белобрысый. – Никакой общественной деятельности?

– Можешь пол помыть, – ехидно предложила спина Теодора. Пилот успокоился так же быстро, как и вспылал, но

Станислав не сомневался: месть будет страшна. – Швабра в кладовке.

– Я имею в виду культурную организацию досуга, а не физическую, – оскорбился Алексей. – Профессор Игорь Бледный в своей культовой работе «Групповая психология в условиях длительного космического перелета» блестяще доказал, что, когда экипаж страдает от безделья, у людей начинают возникать депрессии, умственная деградация, немотивированная агрессия и психологические конфликты на ее почве. Кстати, ты давно на этом корабле летаешь?

Станислав понял, что если он опять не вмешается, то психологический конфликт неизбежен.

– Видишь ли, Алексей, экипаж у нас очень разношерстный, и интересы у всех разные. – Капитан мрачно подумал, что деградировать им уже попросту некуда. – Поэтому каждый занимается тем, что ему по душе, и на скуку вроде не жалуется.

– Тогда я выучу центаврианский, – немного поразмыслив, решил Алексей. – Давно мечтал. Центавриане – самая продвинутая раса во вселенной, и, по прогнозам ученых, в ближайшем будущем их язык полностью вытеснит интерлингву. Кстати, мы можем изучать его вместе! – великодушно предложил он. – Так будет гораздо быстрее и интереснее.

Судя по лицу белобрысого, он не сомневался, что урвет платиновую медаль и на этом поприще, посрамив остальных членов команды.

– Пусть сначала вытеснит, – буркнул Теодор.

Полина виновато покачала головой: склонности к языкам у нее не было ни малейшей, латынь она вызубрила только из любви к биологии, и это была воистину великая жертва.

Алексей посмотрел на них с неприкрытой жалостью. «Как можно быть такими ленивыми и недалекими? А еще космо-летчики!» – читалось в его глазах.

– Замечательная идея, – решительно сказал Станислав. – Выучишь и доложишь мне. Я немного знаю центаврианский и смогу тебя проэкзаменовать.

– Слушаюсь, капитан! – просиял белобрысый. – Я вас не разочарую!

Станислав Федотович только вздохнул про себя. Когда такие восторженные парнишки сталкиваются с реальной жизнью, за жизнь становится стыдно. Хорошо еще, что нынче бывшему космодесантнику предстояло вести новичка в обычный грузовой рейс, а не в бой.

* * *

Дэн неподвижно лежал на смотровом столе, подняв правую руку, чтобы доктору было удобнее осматривать его бок. Травма позвоночника и грудной клетки, открытый перелом плеча, закрытый – шейки бедра... После операции прошло всего три недели, но сейчас о страшных ранах напоминала только россыпь рубцов, говоривших то ли о совершенстве

пиратской медицины, то ли о живучести киборгов. Впрочем, до полного выздоровления оставалась еще как минимум пара месяцев – рубцы были красные и припухшие.

– Больно? – на всякий случай поинтересовался Вениамин, нарочно нажав посильнее.

– Нет. – Ни в голосе, ни в лице Дэна так ничего и не дрогнуло.

Вениамин печально покачал головой. Понятие «боль» у киборгов теоретически отсутствовало, только «информация от рецепторов». Которая в данной ситуации не означала угрозы организму, не требовала ответных действий и, следовательно, игнорировалась.

– Ладно, иди, – разрешил доктор.

Рыжий послушно слез со стола, быстро и четко натянул комбинезон и, будто не замечая укоризненного взгляда Вениамина, вышел. Нога была еще далека от идеала, но киборг даже не прихрамывал. Кость срослась и выдерживает заданную нагрузку – значит, жаловаться не на что.

– Вот и что нам с этим дурнем делать? – поинтересовался Вениамин в пустоту.

За минувший месяц доктор просмотрел столько информации по киборгам, что сам уже мог читать лекции по биоинженерии. По задумке разработчиков, головной мозг биомашин выполнял пассивную роль базы данных и управлял только физиологией – и то до поры до времени. Киборг мог произвольно замедлить или ускорить биение сердца, вы-

звать выброс адреналина, остановить кровь на определенном участке сосуда, а то и отключить выработку пищеварительных ферментов, если его собирались использовать как живой контейнер для перевозки чего-то мелкого и крайне ценного. С возрастом кора мозга почти не развивалась – не было необходимости, все ее функции брал на себя процессор. Он же перехватывал поступающую извне информацию, фактически держа мозг в состоянии комы.

Но если связь с процессором окажется не столь прочной...

Вениамин присел за стол, открыл файл с медицинскими картами и нашел нужную, но, задумавшись, медлил с ее заполнением.

Что получится, если дать новорожденному ребенку тело взрослого человека – но управляемое кем-то другим, как марионетка?

Вначале, конечно, он будет пассивно подчиняться, не понимая, что и почему с ним происходит, и воспринимая такое положение вещей как естественное и единственно правильное.

Но дети растут и начинают постепенно отделять себя от матери и прочего мира. Появляется «я», следом за ним – «я сам», а потом... следует ликвидация.

Дэн оказался не только умным мальчиком, но и хитрым. Он как-то умудрился скрывать свою индивидуальность до тех пор, пока действительно не повзрослел. Может, сам сообразил, что «мамочке» не понравится его инициатива, а мо-

жет, увидел, как за подобную оплошность убили кого-то из односерийников. В любом случае рыжий приспособился существовать с людьми, но не доверять им. И сейчас, когда его разоблачили, он «закуклился» и передал управление процессору, полагая, что это именно то, чего от него хотят. А все попытки его оттуда выколупать – просто провокация.

Вениамин ткнул пальцем в графу «Рекомендуемое лечение», зажигая там квадратик курсора, и с мстительной досадой написал: «Розги!»

* * *

Дух соперничества оказался с душком. Так подчеркнуто правильно старый транспортник не летал, наверное, даже в рядах космофлота. Станислав, обычно осаживающий увлекшегося пилота, и то соскучился по внезапным перегрузкам – когда Теодору мерещилось, что идущий параллельным курсом корабль бросает ему вызов, а за штурвалом попутчика оказывался такой же маньяк, то оба пилота принимались выжимать движки до последнего протона: кто кого или чей капитан раньше начнет угрожать физической расправой. А если «призом» был единственный порт мелкой станции гашения, то при желании и с Машиной помощью можно было полюбоваться побелевшим лицом диспетчера во весь экран, а то и послушать забористую ругань в адрес «идущих на таран» кораблей.

– Теодор, – попытался намекнуть пилоту капитан, – ты не мог бы вести корабль как-нибудь... поактивнее?

– В смысле? – изобразил святую невинность Тед. – Вот, смотрите: плановое время прибытия на станцию – четырнадцать ноль-ноль, расчетное – тринадцать сорок восемь. Мы даже с опережением летим.

– На двенадцать минут!

– А иначе двигатели быстро на износ пойдут. Правда, Михалыч?

Техник виновато ссутулился и что-то буркнул, разрываясь между жалостью к двигателям и уважением к капитану.

Станиславу Федотовичу пришлось капитулировать.

Почти сразу же на подлокотник пилотского кресла присела Полина, наклонилась и таинственно прошептала Теду на ухо:

– А я знаю, зачем они летят на Мерак!

– Мм? – Теодор с сожалением следил за искоркой, медленно ползущей к краю обзорного экрана. Вид у нее был исключительно вызывающий.

– Я статью в популярной энциклопедии нашла. Раз в жизни все половозрелые меракийцы обязаны оставить потомство, это у них и религиозная заповедь, и закон одновременно. Возраст они выбирают сами, главное – сезон года и место.

– Так мы, выходит, в свадебное путешествие их везем? – ухмыльнулся пилот. – И кто из них невеста?

– Они обоеполые. На брачный сезон один становится сам-

цом, а другой – самкой.

– Во дают! – Теодор скабрёзно захихикал. – Жребий бросают или просто смотрят, кто симпатичнее?

– Как-то, наверное, договариваются, – пожала плечами Полина. – Кстати, ничего тут «хи-хи» и даже удивительно-го, некоторые земные рыбы поступают точно так же. Губаны, например.

– Что ж, постараемся не испортить ребятам удовольствие. – Теодор пошаманил над приборной панелью, и время прибытия сменилось на 13.21. – Ты на станцию пойдешь?

– Вряд ли, – подумав, с сожалением отказалась девушка. – Настроения что-то нету.

Пилот понимающе кивнул: его «настроение» тоже выразилось в универсальных галактических единицах и стремилось к нулю. Придется терпеть до сдачи груза.

– А я, пожалуй, прогуляюсь, – вмешался в разговор Алексей. – Как там мой ботинок поживает?

Полина ойкнула.

– Извини, совсем про него забыла! Сейчас быстренько помою и феном продую, как раз к стыковке высохнет, – заюлила она под возмущенным взглядом навигатора.

С «сейчас» возникла непредвиденная проблема: девушка напрочь забыла, куда она засунула вверенную ей обувь. В пультигостиной ботинка не было, в каюте и ванной тоже. Отчаявшись, Полина даже сбегала в машинное и заглянула в мусоросжигатель, но ни вчера, ни сегодня его не включали.

– Ну чего вы сидите и смотрите? – не выдержала девушка, по третьему разу обшаривая все углы. – Лучше бы помогли искать! Ума не приложу, куда еще я могла его положить... Так, попробуем восстановить утро отлета по минутам. Я сидела за столом, завтракала... Потом приехала елка, я подошла к иллюминатору... Потом вышла из корабля...

– Может, ты его с собой взяла? – предположил Тед. – А когда обнималась с волонтершей, выронила?

– Да я вроде без ботинка выходила, – неуверенно возразила Полина. – Точно, я его на стол поставила! Потом я пошла в ванную, вымыла голову...

– Нет, перед этим ты загрузила посудомоечную машину, – бесцветно поправил Дэн.

Полина с досадой покосилась на киборга – вот уж действительно искусственный интеллект, не видит разницы между проходным и важным событием! – и, внезапно побледнев, кинулась к дверце посудомойки. За два дня ее так и не удосужились разобрать: экипаж питался готовыми пайками в одноразовых контейнерах, которые сразу отправлялись в мусор, а кружку из-под чая проще и быстрее ополоснуть вручную.

На второй полке между тарелками и салатной миской стоял ботинок – или нечто отдаленно его напоминающее. Видно, придирчивая машинка запускала цикл снова и снова, пока запах полностью не исчез. Вместе с краской. Бока сморщились, искусственная кожа превратилась в искусственную

замшу с трогательным пушком, а стелька, вытянувшись на манер печеночного сосальщика, свисала из кружки Станислава Федотовича.

– Вот черт, – простонала девушка. Поднятый за липучку ботинок медленно вращался перед ее глазами, страдальчески приоткрыв пасть. – Я, наверное, заговорила с вами, машинально все со стола сгребла и запихнула... Что я Алексею скажу?!

– Ну ты же его отмыла? Отмыла, – гаденько захихикал пилот. – Какие могут быть претензии?

Претензии у навигатора возникли, да еще какие! Ботинки оказались из «модной коллекции этого сезона», стоили, по словам Алексея, целую стипендию и снизились до низменных конечностей всего пару раз.

– Ну так хранил бы их в сейфе, – цинично посоветовал Теодор. – Обувь придумана для того, чтобы ее носить, а не с ней носиться. Вот как у меня, например. Неубиваемые!

Пилот демонстративно выложил на пульт ногу в массивной кроссовке. Проще было представить, как убивают ею, а не ее.

Алексей поглядел на ногу с плохо скрываемым презрением, но в итоге в этих кроссовках на станцию и пошел. На белобрысом они смотрелись как снятые с какого-то гопника, собственно «гопник» тоже без восторга наблюдал, как навигатор брезгливо натягивает их на два носка – чистый поверх уже надетого. Но иначе Алексей вконец заклевал бы Полину:

и что ботинки угробила, и что прогуляться не удалось.

* * *

На корабль навигатор вернулся подобревший, с целым пакетом мелкой, но приятной ерунды вроде орешков, чипсов и пива. Нога об ногу содрал кроссовки, откупорил одну банку и развалился в кресле, прихлебывая и похрустывая фисташками.

– А ничего тут у вас, – благодушно заметил он, – жить можно!

Угостить остальных Алексей даже не подумал – не из жадности, а рассудив, что если хотели бы, то сами бы сходили и купили.

Остальные как раз хотели, но гордо глотали слюну. Дэна они мигом взяли бы на бордаж, с лету запустив руки в пакет, однако у белобрысого не стали даже спрашивать – унижаться. Хотел бы – предложил!

Алексей, не замечая осуждающего молчания, развернул кресло и переключил внимание на подставку с голограммой – столбом лазурной воды, в котором непрерывно снова-ла русалка с длинными, эффектно развевающимися зелеными волосами, ощупывая края изображения, как стенки стеклянной банки-ловушки. Вид у нее был такой обворожительно-несчастный, что хотелось разбить «стекло» с ноги и выпустить пленницу в настоящее море. Но не сразу, конечно!

– Мог бы и поаккуратнее, – проворчал Теодор, подбирая кроссовки, пока до них не добралась кошка или, хуже того, Полина.

– Ты же говорил, что они неубиваемые, – беспечно отмахнулся Алексей. Еще минутку полюбовался на противоречащие (размера эдак на три) гидродинамике формы русалки и осуждающе заметил: – Вообще-то на нашем корабле присутствуют инопланетные гости, а тут такое... позорище. Неужели нельзя установить что-нибудь поприличнее?

Русалка прильнула к «стеклу» – ладони впечатались в него, как настоящие, – и капризно надула губки:

– Странно, а прошлой ночью я тебе очень даже нравилась!

– Я... Я просто проверял настройки! – поспешно отперся покрасневший Алексей. – И, кстати, почему она встревает в разговоры экипажа? Надо отключить эту опцию.

– Надо, – иронично согласился Теодор, – только никто не знает, где она.

– А в голосовом режиме приказать?

Русалка растянула рот пальцами и показала белобрисому трепещущий лягушачий язык.

– Машка, отвали, – дружески попросил пилот.

– Хам, – фыркнула русалка и, плеснув хвостом, нырнула в «дно», так достоверно обдав зрителей «брызгами», что отпрыгнули даже привычные Тед с Полиной.

Вода с унитажным бульканьем ушла вниз, и над подставкой закрутился типовой логотип системы, желтый и скуч-

ный.

– Ну вот, – пожал плечами пилот. – Отключил на полчасика. Правда, теперь она вредничать будет, но так, по мелочи. Она у нас дама хоть и капризная, зато ответственная.

– Странные у вас отношения с техникой, – недоуменно заметил Алексей. – Как будто она живая и действительно может испытывать какие-то чувства.

– А почему бы и нет? – вступилась за искин Полина. – Вон наш Михалыч с каждой деталькой в машинном разговаривает, и двигатель у него работает как часы. А при виде моего бывшего начальника даже кофеварка ломалась.

– Вы, может, и в гремлинов верите? – так снисходительно фыркнул белобрысый, что подтвердить было стыдно. – Таких ма-а-аленьких чертиков, которые в приборах живут?

– Мы верим в то, что есть вещи, о которых мы пока просто не знаем, – дипломатично выкрутилась Полина. – Зародилась же органика из неорганики; почему бы в ней же не зародиться разуму?

– Типичные корабельные суеверия. – Алексей попробовал раскусить недожаренную фисташку и, охнув, схватился за щеку, пытаясь понять, что издало этот страшный хруст. К разочарованию Теда, сплюнул он все-таки скорлупу. – У меня подружка с факультета психологии диплом по этой теме защищала. Поскольку жизнь космолетчика напрямую зависит от работы окружающих его механизмов, то вскоре он начинает подсознательно наделять их человеческими чертами,

пытаться подружиться с ними, задобрить, как мелких языческих божков. Вот и появляются компьютеры «мужского и женского пола», чайники с человеческими именами, одушевленные киборги...

– Киборга не трожь, – довольно грубо перебил его Теодор. – У нас с ним отдельная... история. Как-нибудь расскажем.

Белобрысый с удивлением уставился на напарника, безумно раздражая его ясным взглядом человека, твердо уверенного в своей правоте.

– История есть у всего, даже у твоего кресла. Но это не означает, что надо каждый раз просить у него разрешения присесть.

– Дэн нам всем жизнь спас! – возмутилась и Полина.

– И что? Он для этого и сделан. Как и стул – стоять тут для моего удобства.

– В том-то и дело, что Дэн – не стоял!

Алексей сочувственно, но непреклонно покачал головой и предложил:

– Хотите, докажу, что нет у него никакого разума, одна голая программа повиновения? – И, прежде чем Теодор успел возразить, окликнул: – Эй, ДEX, подойди-ка сюда! Дам тебе очень важную работу.

Рыжий беспрекословно отложил промасленную тряпку, которой начищал какую-то деталь для Михалыча. Алексей тем временем поставил на обеденный стол два стакана и до

середины наполнил один из чайника.

– Переливай воду из одного в другой, – велел он. – Сто раз.

– Какого хрена?! – возмутился Теодор.

– Это тебе «какого», а искину без разницы. Ему приказали – он выполняет. Вот, смотрите!

Киборг действительно принялся за «работу». В размеренности и аккуратности, с которой он ее делал, сквозило что-то жуткое, не то что машинное, а вообще противоестественное.

– И вслух считай! – уточнил задание Алексей.

– ...семнадцать, восемнадцать... – послушно начал Дэн.

Стакан, плеща водой, отлетел в сторону и врезался в панель над головой капитана, мирно сидевшего на диванчике у стены и что-то читавшего. Ударопрочное стекло выдержало, но Станислав все равно вздрогнул и оторвался от планшета – как раз вовремя, чтобы поймать свалившуюся прямо ему в руки посудину.

– Это еще что за шуточки? – возмутился он.

– Извините, – огрызнулся Теодор и, потирая ребро ладони, быстро вышел из пультогостиной.

– Я же говорил! – торжествующе повернулся Алексей к Полине. – Искин не способен осмыслить и уж тем более критически оценить свои действия. Если в его программу заложено спасти человека – спасет, если нет – будет стоять рядом и смотреть, как ты умираешь... Эй, ты куда?!

– Пойду гляну, как там кошка, – не оборачиваясь, пробор-

мотала Полина.

– Так я вас убедил, а? – шутливо крикнул Алексей ей вслед.

Скрывшаяся за углом девушка сделала вид, что уже не слышала.

Белобрысый небрежно скомандовал киборгу:

– Приберись тут, – и вернулся за пульт. Лицо у Алексея было довольное, хоть и слегка недоуменное: чего это они все так распсиховались? Надо уметь проигрывать!

* * *

Вениамин допоздна засиделся за терминалом в медотсеке: на станции гашения был инфранет и доктор поспешил скачать последнее обновление общегалактической медицинской библиотеки. Несколько статей по иммунологии оказались очень интересными, и когда Вениамин закончил делать пометки, корабельное освещение уже работало в ночном режиме: тонкие световые линии вдоль всех кромок, включая колонны, из-за чего помещение казалось трехмерным чертежом. Этой забавной и полезной штучкой корабль обзавелся после ремонта на пиратской базе, как и ядовито-розовым диванчиком с гнутыми ножками, который роботы затащили в пультигостиную не иначе по ошибке, да так там и забыли. Станислав пару раз порывался выкинуть неуставную мебель, но диванчик оказался до того удобным, что в конце концов

его просто застелили клетчатым пледом и тем успокоили капитанское чувство прекрасного.

Вениамин сладко зевнул, потянулся – и замер с нелепо растопыренными руками. Дверь санузла была открыта, сияя, как райские врата, и из них то чередой, то с паузами лились негромкие, таинственные и зловещие звуки:

– Вгы-ы-ы... Бгы-мгы... Х-х-хэ-э-э...

У доктора тут же заработало профессиональное воображение. Может, кто-то спросонья пошел в туалет, поскользнулся, упал, получил черепно-мозговую травму и теперь истекает кровью на полу, тщетно пытаясь позвать на помощь? Или, хуже того, решил покончить жизнь самоубийством и болтается в петле, испуская последние вздохи?!

– Муэ-э-э! – трагически повысил голос страдалец. – Бье-а-а-а...

Вениамин влетел в ванную на всех парах, с диагностом наперевес – и с треском скрестил его с планшеткой Алексея, спокойно стоящего перед зеркалом.

– Что здесь происходит? – срывающимся голосом спросил доктор, нервно шаря взглядом по ванной.

– Ничего, – так же изумленно ответил белобрысый, вслед за Вениамином заглядывая в душевую кабинку. Там висельников и расшибленных тоже не оказалось. – А что вы ищете?

– А что вы здесь делаете? – в свою очередь спросил совсем сбитый с толку доктор.

– Центаврианский учу. Перед сном лучше всего запоми-

нается. Вот послушайте! – Алексей откашлялся, уткнулся в планшетку и с чувством прочитал: – Мгэ-э-э-э-э хах-х бхуэ-э-э-э! Поняли?

– Нет, – честно сказал Вениамин, имея в виду как фразу, так и ситуацию в целом.

Алексей уставился на него с упреком и даже, кажется, разочарованием.

– «У меня есть собака». А я думал, что в медицинском изучают центаврианский!

– Кхм... – Доктор отчаянно поскреб кончик носа, чтобы не рассмеяться. – Изучают, да. Но вообще-то я думал, что «собака» по-центавриански просто «бх'э».

– «Бх'э» – это голая транскрипция, – снисходительно возразил белобрысый. – А у меня – классический центаврианский прононс! Школьная учительница была от него в восторге.

Вениамин заподозрил, что учительница просто была добрая и старалась похвалить каждого ученика.

– К сожалению, в школе центаврианский был факультативным предметом, и я посещал его только полгода, – сокрушенно признался Алексей. – Сейчас уже почти ничего не помню, кроме прононса. Но ничего, я быстро наверстываю! Хотите, ломаные глаголы по памяти перечислю?

– Как-нибудь в следующий раз, на свежую голову, – с содроганием отказался доктор, смутно припоминая, что в институтском учебнике этим глаголам был отведен целый раз-

дел. Вениамин благополучно забыл их сразу после экзамена и в отличие от Алексея вспоминать не желал. – Заодно и подучишь лучше. Только ты с этим своим... прононсом... на будущее хотя бы дверь закрывай!

Белобрысый недоуменно наморщил лоб, но кивнул.

Доктор осознал свою ошибку, только когда прошел половину коридора и Алексей снова взялся за зубрежку.

Приглушенное дверью «буэ-э-э!» звучало еще более душераздирающе.

* * *

Как кошка умудрилась выбраться из Полининой каюты, осталось загадкой. Хвостатая безбилетница освоила либо телепортацию, либо вентиляцию и за ночь успела свернуть со стола сахарницу, растеребить в клочья и раскидать по пултогостиной все найденные в мусорке бумажки и пакетики, почесать когти о пилотское кресло и нагадить в навигаторское (за что Теодор простил ей все остальное).

– Может, поставить сюда лоток? – предложила Полина. – Чтобы кошка наконец поняла, для чего он?

– Я думаю, кошка знает, что такое лоток, – проворчал Тед. – Она не понимает, для чего нам Алексей.

– Ну, со своими обязанностями он вполне справляется, – нехотя признала девушка. – Четверть пути мы уже пролетели, на следующей остановке будет первая выгрузка.

– Елка? – уточнил пилот.

– Ага. И мое сердце разрывается от мыслей о предстоящей разлуке! – Полина картинно смахнула «слезинку» из уголка глаза.

– Хуэ-муэ-вэ-э-э! – подкрался к ним со спины Алексей и, довольный произведенным эффектом, снисходительно пояснил: – «Доброе утро!» по-центавриански.

– Ты уверен? – скептически уточнил пилот. – Больше похоже на утро очень, очень недоброе.

Белобрысый кисло улыбнулся – мол, что с дураками спорить! – и попытался сесть в кресло, но Полина поспешно развернула сиденье к себе.

– погоди, я сейчас все уберу! Тед, дай какую-нибудь бумажку...

– Что, опять эта проклятая кошка? – возмутился Алексей, заглядывая через спинку. – Почему ты за ней не следишь?

– Я слежу! – Девушка беспомощно проводила взглядом кошку, как раз перебежавшую из-под диванчика под стол. – Просто... Извини, пожалуйста.

Навигатор в упор уставился на нее насупленными белесыми бровями (вообще-то, разумеется, глазами, но брови почему-то впечатлили Полину больше) и совершенно серьезно, официально объявил:

– Хорошо, на этот раз я тебя прощаю. Но если подобное повторится, то я буду вынужден пожаловаться на тебя капитану.

– Чего? – опешила Полина. – За что?!

– За невыполнение должностных обязанностей, – отрубил белобрысый.

– Мои обязанности – помогать Вениамину Игнатьевичу в медотсеке, а не кошек пасти!

– Капитан на корабле главнее доктора, – убежденно сказал Алесей, – и его распоряжения должны иметь для тебя первостепенную важность. К тому же ты сейчас все равно бездельничаешь, могла бы и постараться.

Полина покраснела, возмущенно открыла рот... и закрыла. Белобрысый был прав, но так обидно прав, что и возражать нечего, и очень хочется.

– Хорошо, – наконец выдавила она. – Постараюсь.

Девушка убрала безобразие, подманила безобразницу куточком булки с маслом и в гордом молчании удалилась в каюту.

– Ну и на фига? – укоризненно поинтересовался Теодор. Он, конечно, тоже не обрадовался бы, обнаружив в кресле такой подарочек. Но ведь от кошки, а не от Полины!

– А что я такого сказал? – искренне удивился Алексей. – Просто напомнил о дисциплине и субординации. Кстати, можешь начинать подготовку к прыжку, мы уже отошли на достаточное расстояние от станции.

– Спасибо, сам бы я нипочем не заметил, – буркнул пилот, не глядя передвигая бегунки на виртуальных шкалах. – Черт, рука что-то ноет... – Тед с нажимом помассировал раненное

в битве за базу плечо и мрачно пошутил: – Наверное, к смене погоды.

– К космическому ветру? – саркастически уточнил Алексей.

– Главное, чтобы не к астероидному потоку. – Теодор лишний раз проверил показания приборов, но все вроде было в порядке.

– Был у нас слепой пилот, а теперь еще и однорукий, – пошутил Станислав, заходя в пультогостиную. – Сильно ноет?

– Нет, Станислав Федотович, совсем чуть-чуть! – поспешно расправил плечи Тед, вспомнив, сколько боевых шрамов у самого капитана. – Разгоняю корабль до прыжковой скорости, ориентировочное время вхождения в червоточину – через четыре с половиной минуты.

– Отлично. – Станислав занял любимое место у иллюминатора.

Алексей наклонился и подозрительно изучил кресло. Видимых следов на нем не осталось, но навигатор все равно сморщил нос:

– Пойду дезинфектант у дока возьму, попшикаю.

Пилот рассеянно кивнул, уже полностью поглощенный управлением. Звезды сдвинулись с привычных мест, выстраиваясь в гигантскую спираль, будто кто-то выкрутил пробку из бассейна с черной водой, в которой они плавали. Гул из машинного отсека усилился, сменил тональность, по телу корабля растеклась легкая вибрация – словно он тоже

волновался перед прыжком. «Надо все же как-то его назвать», – подумалось Станиславу. В такие моменты хотелось скрестить пальцы на удачу и упоенно приговаривать про себя: «Ну давай, «...», поднажми!» Но ничего, кроме банального «Быстрый» и претенциозного «Звездный скакун», в голову не лезло.

Корабль нырнул в червоточину. Иллюминаторы и обзорные экраны сплошь замазало черным, дрожь усилилась. Антигравитаторы справлялись с нагрузкой, но небольшие колебания все-таки проскакивали: по мышцам то свинец растекался, то казалось, что стоит посильнее замахать руками – и оторвешься от пола.

– Болтает, – вполголоса заметил капитан, будто невзначай положив руку на бултыхающийся вверх-вниз желудок.

– Терпимо. – Теодор откинулся на спинку кресла: изменить траекторию прыжка уже все равно невозможно. Только ждать, когда он закончится – впереди появилось быстро растущее белое пятнышко, точка выхода. – Вот, помню, однажды летели мы на Альтаир – перегруз был жуткий, почти двенадцать процентов, корабль даже на разгоне козлил, как в зад ужаленный... Эй, а это что за чертовщина?!

Уточнить параметры нечистой силы Станислав не успел – зато увидел. Пятнышко раздвоилось, а в следующий миг корабль резко дернуло вперед и вправо. За бортом, несмотря на многослойную изоляцию, взревело так, будто его накрыла и завертела по песку штормовая волна.

И тут-то до капитана наконец дошло, зачем надо пристегиваться во время прыжков.

Оказывается, воссоединиться с вечностью можно не только быстро, но и больно.

* * *

Очнулся Станислав под зловещий разноголосый писк и алые сполохи. Несколько секунд капитан неподвижно лежал на спине, ожидая чертей с приветственно наточенными вилами, но потом ушибленная лопатка стала ныть так невыносимо, что пришлось со стоном перевернуться на бок.

По кораблю словно ураган пронесся, все незакрепленные предметы расшвыряло по полу. Особенно издевательски смотрелась подушка с диванчика, валяющаяся рядом со Станиславом – ну что ей стоило упасть на полметра правее, как раз под спину! Световые панели едва теплились, над голографической подставкой вращался огромный восклицательный знак, красный и пульсирующий.

Теодор, разумеется, и не подумал пристегнуться. Теперь он лежал на пульте, безвольно закинув на него одну руку и свесив вторую, а лицо заслоняли растрепанные волосы. Рядом стоял невредимый с виду Дэн.

– Пульс ровный, – ответил рыжий на немой вопрос Станислава, убирая руку от шеи пилота. – Он просто без сознания.

– Что произошло? – наконец сумел прохрипеть капитан.

– Сбой прыжка, – печально сообщила Маша. Знак сменился на вопросительный, желтый. – Причина неизвестна. Провожу проверку системы и сбор информации.

Свет наконец загорелся нормально. Тут же очнулся Теодор, рывком выпрямился и недоуменно потрянул головой, будто на минутку задремал на рабочем месте.

– Что за ...?! – более красочно выразился он. – Где мы?

Второй вопрос был еще интереснее первого. Звездная картина в иллюминаторе изменилась так резко, что это заметил не только искин, лихорадочно перерывающий базу данных в поисках соответствий, но и наметанный глаз пилота, примерно представлявшего, что он должен увидеть после выхода из червоточины. Никакой станции гашения там не было и в помине, зато неподалеку, в одном-двух световых днях, ярко горели две спаренные звезды – одна желтая, другая красная.

– Станислав Федотович, что случилось? – В пультогостиную с мяуканьем вбежала кошка, а следом Полина с огромной шишкой на лбу – еще одна жертва пренебрежения техникой безопасности.

Валяться на полу, когда капитанский долг требует стоять на носу тонущего судна и до последнего вселять в экипаж надежду, стало стыдно. Станислав на четвереньках дополз до диванчика, уцепился за него и с кряхтением выпрямился.

– Отставить панику, – пробормотал он. С высоты роста бардак впечатлял еще больше, капитан пошатнулся и по-

крепче уцепился за спинку. – Небольшая авария, ничего страшного. Сейчас все уладим.

Паники в общем-то и не было: команда доверчиво притихла, ожидая вердикта искина. Корабль натужно гудел тор-мозными двигателями: если уж оказались неведомо где и неведомо в каком виде, то лучше не усугублять ситуацию.

Из коридора зигзагом выбрался бледный и растрепанный Алексей, машинально стискивая в руке баллончик дезинфектанта. Станислав тоскливо подумал, что сейчас ему опять зададут вопрос, на который он не знает ответа, но вместо этого навигатор с ходу набросился на пилота:

– Что ты тут натворил?

– Я?! – возмутился Теодор, ощупывая ноющую башку на предмет лишней выпуклости, а то и вмятины. – Это твоя трасса была! Можешь запись трека просмотреть – что насчитал, то и получил, медалист хренов!

– Цыц! – рявкнул на них Станислав. – Когда разберемся, что произошло, тогда и будете собачиться. Точнее, – поспешно поправился он, – тогда я сам решу, что и с кем сделать. Маша?

– Я еще думаю, милый! – осуждающе проворковал искин. – Пойди пока погуляй.

Капитан машинально сделал шаг к шлюзу, потрянул головой и уже собирался послать погулять саму Машу (а то и не просто погулять!), как Дэн негромко сказал:

– Предварительное заключение: девяносто один процент

вероятности, что причина аварии внешняя и не связана с поломкой или отказом оборудования, а также ошибками эксплуатации.

– Окончательный результат будет через семь минут четыре секунды, – так оскорбленно добавила Маша, будто ей подсмотрели не в данные, а в декольте.

– Венька! – спохватился Станислав, хватаясь за комп. – Венька, ты как?

– Эм... Так себе, – прокряхтел динамик, заставив капитана красочно вообразить слабо подергивающееся тело друга, придавленного упавшим стеллажом. Но тут Вениамин перевел дух и пояснил: – Дверь каюты приоткрылась и заклинила, не могу отжать. А что случилось?

На выручку Станислав все равно помчался, только уже не опроретью, а быстрым шагом, предварительно вызвав на подмогу Михалыча.

Спустя пару минут искин начал потихоньку выдавать информацию. Похоже, транспортник нарвался на редкую, но хорошо известную космолетчикам аномалию: у черной дыры, к которой сгенерировали червоточину, оказался двойник со сходными характеристиками, и корабль «перетянуло» в другую точку выхода. Еще крупно повезло, что не покорежило: в космосе порой находили сферически правильные комья, опознать которые удавалось только по примерной массе и химическому составу. Транспортник же отделался повреждением нескольких внешних датчиков, в основном по ле-

вому борту. Пока что левый и правый обзорные экраны показывали одно и то же, только в отзеркаленном виде – Маша отчего-то сочла, что это оптимистичнее, чем поперечная надпись: «Сигнал с камеры отсутствует».

– А если поставить между ними свечку, – хмуро пошутила Полина, – в полночь явится суженый-ряженный.

– Это еще что за суеверие? – удивился Теодор.

– Ну, мы с девчонками в школе так гадали. Ставишь два зеркала под углом и смотришь в получившийся коридор. Когда увидишь, что по нему кто-то приближается, надо крикнуть: «Чур меня!» – и схлопнуть зеркала.

– А смысл? – не понял приятель.

– Чтобы он не вылез и меня не задушил! – загробным голосом сообщила девушка.

– Зашибись у вас игры в детстве были, – пробормотал Тед. – А на кой он тебе такой нужен, маньяк-убийца?

– Это же не настоящий человек, а злой дух, – попыталась объяснить Полина. – Он просто вид суженого принимает, чтобы девушку оболести. Надеется, что ты его поближе разглядеть захочешь и выпустишь.

– Знаешь, если бы меня попыталась придушить какая-то зазеркальная баба, а я ее потом на улице увидел – в жизни бы к ней не подошел! – искренне сказал Тед. – Не говоря уж о жениться. И как, явился к тебе кто-нибудь?

– Не успел, – призналась девушка. – Я профилактически завизжала так, что прибежали родители.

Теодор задумчиво всмотрелся в экраны, но вместо суженого-ряженого ему явился перепачканный машинным маслом Станислав, заставив пилота вздрогнуть и резко обернуться.

– Ну как, удалось определить наши координаты? – устало поинтересовался «суженый».

– Сектор «ПР-6», – гордо доложила Маша, разворачивая над голоподставкой трехмерную карту. Теперь все светящиеся точки были подписаны, а спаренные звезды оказались Одиссеем и Пенелопой.

– Ничего себе нас занесло, – охнул капитан. – На самый край Галактики!

– Ага, – угрюмо подтвердил Теодор. – Захотели бы нарочно сюда попасть – месяц летели бы, а тут в один прыжок уложились.

– Что ж, – философски заметил Вениамин, подошедший к пульту вслед за другом, – могло быть и хуже.

– Например? – удивился Станислав.

– По крайней мере это *наша* Галактика.

– Верно. – Когда покосившаяся картина мира встала на место, размеченное зеленой сеткой с координатами, капитан немного успокоился. – Ничего страшного, подлатаем корабль и вернемся на маршрут. Сколько там до ближайшей станции гашения?

– Сто сорок восемь световых дней, семнадцать часов и семь минут, – невозмутимо сообщила Маша.

– М-да, – после затянувшегося молчания кашлянул Станислав. – Значит, будем ждать, пока двигатель не погасится сам. Естественным путем, дней за тридцать – сорок.

Комментировать это решение никто не стал: все и так прекрасно понимали, что других вариантов нет, а капитану приходится тяжелее всех. Рейс накрылся большой черной дырой, причем в буквальном смысле: за месяц простоя часть груза испортится, плюс придется платить неустойку за опоздание. Хорошо если удастся выйти в ноль, не говоря уж о прибыли.

– Кто сообщит пассажирам? – только и спросил Вениамин.

– Вообще-то это обязанность стюардессы. – Тед многозначительно посмотрел на Полину.

Зоолог возмущенно уперла руки в бока:

– Это еще почему?!

– Потому что ты хрупкая девушка и тебя не побьют, – прямолинейно сказал пилот.

– Нет, – отрезал Станислав Федотович, – я сам сообщу. В конце концов, это мой корабль и моя ответственность.

– Я с вами, – тут же вызвалась «стюардесса». – А то вдруг и правда...

– И я, – встал Теодор: на самом деле он просто хотел слегка разрядить траурную обстановку. – Для численного превосходства.

Станислав сомневался, что возмущенные пассажиры на-

бросятся на него с кулаками, то бишь щупальцами, но прогонять добровольных помощников не стал. Моральная поддержка была куда важнее физической.

* * *

Меракийцы выслушали черную весть на удивление спокойно. Видимо, они все поняли, еще когда корабль трянуло и покрасило аварийным освещением, и приняли доклад капитана как неизбежность. После первых двух предложений они, кажется, его даже не слушали.

– Мы понимаем, как вы разочарованы... – покаянно продолжал Станислав больше для себя: ему действительно было очень неловко.

– Нет, – вежливо перебил меракиец. – Не пха-анмаете. Но это уже-е не имеет знчния. Спа-асибо, что-о хотя бы п-птались на-ам пхамочь. И изви-ините, что мы взвалили на вас свою ношу. А тпрь оста-авьте нас, пжлста, нхаеди-ине с нха-а-ашей скрбью.

Если капитану и стало от этого легче, то ненамного.

– Лучше бы побили, – тоскливо сказала Полина уже в пультигостиной. – А то стыдно перед ними – ужас.

– Тебе-то чего стыдиться? – удивился Теодор. – Это ж мы корабль вели.

– Я ведь тоже в команде! – обиженно возразила девушка. – Значит, и вина общая.

– Забей. – Пилот махнул рукой, отгоняя заодно и собственное уныние. – Ничего страшного не случилось, обычный «завис». Я раз десять в такие влетал. То к неисправной станции выйдем, то прыжковый двигатель забарахлит и приходится на обычном до ремонтной станции ползти или буксир вызывать... Переживем.

Теодор развернул вирт-окно с любимым симулятором, но отвлечься от неприглядной реальности не успел: в соседнее кресло шлепнулся Алексей.

– Вот непруха! – раздраженно бросил он. – А я собирался на концерт «Генома» на Звездном Мысе сходить, у нас там как раз суточная стоянка была запланирована.

– И что? – не понял Теодор. – Он у них последний в карьере?

– Нет, но на этот у меня был билет! Между прочим, шестнадцать единиц стоил.

Пилот равнодушно пожал плечами. После череды неудач и потерь, через которые прошла команда транспортника, это было такой ерундой, что не вызывало ни малейшего сочувствия.

Алексей, видать, расценил это как скрытое злорадство, поскольку надулся и сухо поинтересовался:

– Надеюсь, запасов провизии нам на этот месяц хватит?

– Вроде да, – неуверенно ответила Полина. – На худой конец, есть аварийные сухпайки и биосинтезатор.

При упоминании последнего Теодор поморщился и зло-

веще добавил:

– А потом начнем кидать жребий.

– Не смешно, – оскорбился белобрысый. – И вообще, как вы можете шутить над такими вещами, да еще в такой момент? – неприятно удивился он.

– А чего нам – плакать? – Тед откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову, еще и ботинком внаглую в край пульта уперся. – Расслабься, стажер. У тебя появилась куча времени, чтобы изучить этот свой ценатавэ-э-эрианский.

Полина захихикала: «прононс» у пилота вышел на славу, даже учительница Алексея не придралась бы.

Но белобрысого это почему-то не развеселило.

– Я тебе не стажер, а напарник, – холодно напомнил он. – Причем образование у меня получше твоего. Так что, будь добр, следи за своим языком.

Пилот удивленно покосился на белобрысого:

– Это в своей академии ты медалист, а тут – салага. Налетай вначале с мое, а потом чего-то требуй.

Алексей побледнел лицом, покраснел ушами и с презрением отчеканил:

– Да ты просто завидуешь!

– Чему? – опешил Теодор.

– Тому, что сам ни на что не способен. Поэтому и высмеиваешь умных людей, чтобы самоутвердиться!

– Я Станислава Федотовича не высмеиваю. И дока тоже, – возразил пилот, намекая, что других умных людей поблизо-

сти не наблюдается.

Полина шутливо пнула коленом спинку кресла, заставив приятеля покачнуться и убрать ногу с пульта.

Но Алексею по-прежнему было не до смеха.

– Да, – запальчиво подтвердил он, – капитан у нас нормальный, хоть и не без определенных недостатков. А вот ты – неудачник и разгильдяй, только и умеющий резаться в гонки на симуляторе. Так всю жизнь на зачуханном транспортнике и пролетаешь. И, между прочим, я по-прежнему уверен: это из-за тебя мы тут оказались! Если бы ты нормально ввел корабль в прыжок...

...Первым на крик Полины подскочил Дэн, стальным захватом скрутивший Алексея, а уж потом Станислав отодрал от него Теодора.

– Эт-то еще что такое?!

– Ничего! – сдавленно пропыхтел пилот и в доказательство брыкнул противника ногой. – Сам он козел!

Драчунов поспешили растащить подальше.

– Капитан, – отпущенный Алексей принял позу разведчика на допросе: грудь колесом, подбородок дышлом, глаза сверкают благородным гневом (особенно подбитый), – я ответственно заявляю: этот человек неадекватен и я отказываюсь с ним работать!

– Чего-о-о?! – Теодор нипочем не стал бы так высокопарно (читай: обидно) жаловаться Станиславу Федотовичу на напарника. – Да он мне...

– Цыц! – Капитан несколько секунд поразмыслил, принимая решение, и отчеканил: – Поскольку другого пилота у нас нет, – Станислав перевел выразительный взгляд на Теодора, – и другого навигатора тоже, я советую вам все-таки попытаться наладить отношения. Хотя бы рабочие. А за драку – внеплановый наряд на уборку корабля. Всего. *Обоим.* **НЕМЕДЛЕННО.**

Алексей аж задохнулся от такой несправедливости, однако возразить не посмел. Тед мрачно покатал слюну за щекой, но сплевывать под ноги не стал: больше убирать придется. Развернулся и пошел к кладовке за шваброй.

* * *

– Квартира – заложена, – с упоением мазохиста загибал пальцы Станислав, сидя за столом в медотсеке. Стол был операционный, и две кружки с кофе смотрелись на нем сиротливо и неуместно. Расположившийся напротив Вениамин внимал другу с видом доброго психиатра: «И что же, голубчик, вас беспокоит? Хотите об этом поговорить?» – Корабль – заложен. Доход от предыдущих заказов целиком пошел на выплату процентов банку и закупку продуктов, а последний рейс – откровенно убыточный. Мы намертво зависли в открытом космосе, в экипаже – свары. – Пальцы закончились, и капитан театрально предъявил другу получившийся кукиш. – По-моему, судьба прямым текстом говорит мне:

«Стасик, ты взялся не за свое дело!»

– А может, наоборот – ты ей нравишься, вот она тебя и испытывает? – оптимистично предположил Вениамин. – Как мальчишки в школе девчонок по головам портфелями лупят?

– Но не кирпичами же! – Капитан потер лоб, будто его действительно огрели чем-то тяжелым. – Ладно я, старый пень, в космолетчика заигрался... Но команда-то в чем провинилась? И ты, в конце концов?

– А что я? – изобразил святую невинность доктор. – У меня, между прочим, эта больница уже в печенках сидела. Уволился – и черт с ней! Мы же не молодеем, а тут такая замечательная возможность встряхнуться, посмотреть мир...

– В иллюминатор зависшего грузовика?

– Ну развиснет же он когда-нибудь, – пожал плечами Вениамин. – Так что не надейся, я буду с тобой до конца.

– До какого? – мрачно уточнил Станислав.

– До победного! – отрезал старый друг. – Поэтому прекращай хандрить.

– Я не хандрю, Венька. Я просто трезво оцениваю ситуацию.

– Так давай оценим ее нетрезво, – предложил Вениамин. – У меня там бутылочка коньяка припрятана, нашего любимого...

– Как-нибудь в другой раз. Я пока не настолько низко пал, чтобы надираться с горя. – Станислав отхлебнул из чашки и

обреченно констатировал, что кофе давным-давно остыл. –
Еще и эти... Бойцовые петухи...

– Хорошая драка сближает людей, – попытался утешить
его Вениамин. – Ну ты же помнишь.

Капитан недоверчиво покачал головой.

– В прошлый раз наши пилот и навигатор дрались вме-
сте, – возразил он, – а не друг против друга.

– Может, совместная уборка сплотит их успешнее?

Станислав только вздохнул.

* * *

Как капитан и пророчил, за сутки никакого сдвига в
«кровной вражде» не наметилось.

Корабль Теодор с Алексеем убрали в гробовом молчании,
действуя словно в параллельных измерениях, и с тех пор под-
черкнуто друг друга игнорировали. Навигатор заперся в ка-
юте, пилот в пику ему остался сидеть за пультом, штудировав
настолько заумную статью по современному кораблестрое-
нию, что она вызывала зевоту даже у специалиста.

В конце концов Тед сдался, отложил этот перфоратор моз-
га и, протерев глаза, принялся изучать космические окрест-
ности, растягивая в вирт-окне то один фрагмент, то другой.
Особенно его заинтересовали Пенелопа с Одиссеем: вокруг
них, оказывается, крутилось несколько планет; вторая – кис-
лородная и по регистру вроде даже пригодная для жизни, но

необитаемая.

– Станислав Федотович! – негромко окликнул пилот. – А может, присядем на вон ту планетку? Подремонтируемся и заодно ноги разомнем.

Капитан подошел к пульту, глянул и слегка оживился:

– Хм, меньше трех дней лету... Без левых датчиков сможешь посадить?

– Да хоть с закрытыми глазами! – обиделся Тед.

– Нет уж, постарайся все-таки с открытыми, – поспешно возразил капитан, зная, что это вовсе не метафора. – А то некоторых эти твои штучки... слегка нервируют.

– Так ведь там диспетчеров с веб-камерами не будет, – наивно удивился пилот. – И вообще, в некоторых случаях лишняя информация только отвлекает! Садимся-то все равно по приборам.

– Пассажиры могут случайно увидеть, – настаивал Станислав, берегший в первую очередь нервы собственные. – А они и так о нашем экипаже не слишком высокого мнения.

– Они со вчерашнего дня, по-моему, вообще из каюты не выходили, – припомнил пилот.

– Вот-вот, не будут же они сидеть там вечно! – подхватил капитан. – Кстати, надо бы к ним зайти, поинтересоваться, все ли в порядке.

– Я даже знаю, что они ответят, – пробубнил Тед себе под нос, но тут из коридора донесся Полинин визг, перешедший в столь же истошный вопль:

– А-а-а, скорей идите сюда!

Голос у девушки был очень пронзительный, и через несколько секунд команда в полном составе столпилась перед каютой меракийцев. Хотя торопиться в общем-то было незачем. Пассажиры лежали на полу, и хватило беглого взгляда, чтобы понять: они давно и бесповоротно мертвы. Чешуя полностью обесцветилась и слегка встопорчилась, животы втянулись так, что тела казались выпотрошенными. Инопланетяне напоминали выпрыгнувших из аквариума рыб, засохших в нелепых скрюченных позах.

– Я только заглянула спросить, не надо ли им чего... – пролепетала девушка. – А они...

Но трупы меракийцев были лишь частью проблемы, причем не самой зрелищной. Посреди каюты, впившись в потолок и стены сотнями полупрозрачных нитей, висела огромная нежно-розовая гроздь.

– Икра... – потрясенно прошептал Вениамин. – Бедняги, теперь понятно, почему они так спешили...

– Моноцикличный вид. – Голос Полины дрогнул. – Единственный нерест в жизни, завершающий ее. Какое самопожертвование...

Картина из пугающей стала трагичной, даже Михалыч сочувственно крякнул и провел рукой по усам.

– Могли бы и предупредить, – с досадой сказал капитан, стряхивая оцепенение и наконец перешагивая порог. Гроздь в паутине занимала большую часть каюты, не верилось, что

это могло уместиться в двух животах, пусть и меракийских. Икринки были размером с вишневую косточку, идеально круглые, прозрачные, с единственной темной точкой по центру, и как будто даже слегка светились.

– Они извинились, – напомнил Теодор, трогая одну из паутинок. Та оказалась гладкой и твердой, будто гитарная струна, и точно так же загудела под пальцем. – Только мы не поняли, за что.

– Ну, – повернулся Станислав к Вениамину, – что теперь скажет главный оптимист команды?

– Э-э-э... Теперь у нас есть изумительный материал для вскрытия и медицинской статьи! – нашелся доктор.

– Ты так и моему трупу обрадуешься? – укоризненно сдвинул брови капитан.

– Нет, – с сожалением признал Вениамин. – Твой труп не представляет для науки ни малейшего интереса. Впрочем, если ты подцепишь какую-нибудь редкую и малоизученную инфекцию...

Станислав безнадежно отмахнулся.

– Значит, на Мерак мы уже не летим? – недовольно поинтересовался Алексей, успевший проложить часть новой трассы. Похоже, работа на транспортнике разочаровывала его все больше и больше.

– Напротив: теперь мы обязаны там появиться, – возразил Станислав. – Отдать тела и все рассказать. А то мало ли, вдруг их объявят в розыск, отследят до нашего корабля и ре-

шат, что мы их ограбили и убили. Так что, парни, возьмите из медотсека носилки и оттащите тела в криокамеру.

– А с икрой что делать? Срезать и туда же? – предположил пилот.

Станислав посмотрел на гроздь и снова едва удержался от желания выключить свет, чтобы проверить, светится она или нет.

– Нет, – решил он, – пусть пока повисит, вдруг дотянет до Мерака. Если начнет портиться, срежем. А ты, Полина, собери материалы по меракийцам – все, что есть в нашей базе. Вечером доложишь.

Капитан простоял в коридоре, пока команда не выполнила свой печальный долг, и сам закрыл за ними дверь, напоследок заглянув в темноту. Икра не светилась, но Станиславу почудилось, будто в каюте остался кто-то живой, беззвучно и неосязаемо дышащий теплом.

* * *

Корабль полным ходом летел к безымянной планете, однако настроение на нем оставалось под стать новому грузу. Все прекрасно понимали, что это их последний совместный рейс, и разговоры на другие темы казались исключительно фальшивыми. Поэтому лучше вообще молчать.

Ближе к вечеру корабельный лидар зацепил что-то новенькое, быстро идущее встречным курсом. Теодор напряг-

ся, как охотничий пес, почуявший след – правда, еще непонятно, чей. Крейсер или большой круизный лайнер разом решил бы их проблемы, позволив погаситься от встроенной системы. Увы, через несколько минут пилот разочарованно откинулся на спинку кресла – это был всего лишь легкий катерок, «единичка». Не военный, но и не прогулочный, в броне повышенной прочности и с улучшенным движком – видно по турбинам. Вон за теми заслонками вполне могли находиться выдвижные орудия, но в целом суденышко производило мирное впечатление: скорее драпанет, чем выстрелит. Мелкий торговец или просто космический бродяга, слегка укрепивший свое жилище.

Катерок тем временем целенаправленно приблизился и стал облетать транспортник по большому кругу.

– Вызов, – мелодично сообщила Маша. – Хочешь его?

– Жажду, – выразительно заверил ее Тед. – Давай, соедини.

На вирт-экране возникло поясное изображение человека за пультом – мужчина лет тридцати, худенький и лопоухий, со смешливым, подвижным обезьяньим личиком.

– Что, коллеги по несчастью, зависли? – жизнерадостно поинтересовался он. Целый с виду транспортник с включенными огнями, неподвижно болтающийся в космосе и не подающий сигналов SOS, мог означать только одно. Или другое – но тогда на вызов бы никто не ответил.

– Угу, – кисло подтвердил Тед. – А ты?

– А у меня пять часов обратного отсчета! – похвастался чужой космолетчик. – Даже побрился уже на дорожку, видишь?

– Везет, – завистливо сказал пилот и вопросительно обернулся к Станиславу Федотовичу: поддержим добрую космическую традицию?

Сейчас капитану меньше всего хотелось принимать и развлекать гостей, но именно поэтому он согласно угумкнул. Иначе команда так и будет киснуть и огрызаться друг на друга.

– Давай к нам, сдашь вахту, – перевел Теодор.

– Не вопрос! – Мужчина воодушевленно потер ладони. – Сейчас пристыкуюсь. Сколько вас там?

– Семеро. – Тед покосился на Дэна и поправился: – То есть шестеро.

– Значит, возьму три штуки, – заключил собеседник и отключился.

Через полчаса гость стоял в шлюзе, прижимая к груди три длинные винные бутылки, а Полина с Дэном заканчивали накрывать на стол.

– Станислав Федотович, – первым представился капитан, на миг приложив руку к фуражке.

– Па... вел. – Гость закашлялся и постучал себя по груди бутылкой. – Можно просто Паша. Капитан, пилот и техник в одном лице. Хлопот больше, зато головной боли меньше.

– Завидую, – честно сказал Станислав. – И чем ваша «ко-

манда» занимается?

– Да так, по-разному, – уклончиво ответил Паша, – шляюсь по космосу, тут кое-что продам, там кое-кому помогу или что-нибудь интересное замечу. На сухпайки хватает.

Теодор понимающе хмыкнул: таких «золотоискателей» в дальнем космосе было полно. Гнали их туда жажда наживы, романтика странствий или просто полиция, отобравшая лицензию на торговлю (а это последнее, что у тебя спросят поселенцы на какой-нибудь Тьмутаракани-6, где прилет корабля с тушенкой и гвоздями – главное событие месяца, если не года).

– Ух ты, боевой киборг! – присмотревшись, восхитился гость. – Пятерка?

– Шестерка, – нехотя ответил Тед.

– Круто! – Павел уважительно поглядел на Станислава и тут же с недоумением поинтересовался: – А зачем он вам?

– Да вот мы и сами теряемся в догадках, – выразительно сказал капитан.

– Продать не хотите? – живо заинтересовался гость, вдвое пристальней изучая Дэна. – Прошивка фабричная или «ломаный»? Сколько процентов износа?

– Не хотим, – отрезал Тед, и немедленно сменил тему: – Ты не стесняйся, проходи, присаживайся, у нас тут все по-простому.

Паша, не настаивая, послушно шагнул к столу, издал сдавленное: «Ёпрст!» и с жутким грохотом, дребезгом и мявом

рухнул посреди пультогостиной.

Кошка, которую никто не успел заметить, в том числе споткнувшийся об нее гость, перепугалась и метнулась обратно в коридор. Прошуршала туда-обратно какая-то дверь.

– Киска заперта в каюте, милый, – гордо доложила Маша. – Я умница?

– Ты – да, – подтвердил капитан, метнув суровый взгляд на потупившуюся Полину.

Гостя поспешили поднять и рассыпаться в извинениях, но дребезг был неспроста. Павел так скорбно уставился на бордовую лужу, будто на этом месте зарезали его родную маму.

– Через полгалактики его протащил, для особого случая берег, – вздохнул он, жадно принюхиваясь к винным парам, раз уж не довелось отхлебнуть. – Хотя... – Гость почему-то покосился на киборга. – Ну и ладно, черт с ними.

– Ничего, у нас коньяк есть, – утешил его Станислав. – Верно, Вениамин?

Доктор укоризненно поджал губы, намекая, что бутылка у него одна, а любителей коньяка много, но «стратегический запас» на стол выставил.

Паша оказался тем еще треплом, за месяц исстрадавшимся без собеседников.

– Болтаюсь тут, болтаюсь, и хоть бы какая сволочь мимо пролетела! – импульсивно жаловался он полчасу спустя. – Такая дыра, что даже пиратов нет. Впрочем, когда Унылый Роджер балферовскую банду разгромил, в космосе заметно

тише стало. Слыхали эту историю?

Теодор с Полиной переглянулись, но промолчали. Они и перед Алексеем-то не спешили распускать языки, а перед чужаком тем более: слава пособника пиратов (без разницы, на чьей стороне они сражались) здорово навредила бы транспортнику. И обыски на таможах жестче будут, и клиенты пойдут... специфические.

Пришлось выслушать версию Паши, порой бессовестно хохоча в не предусмотренных рассказчиком местах. Недоумевающий Алексей раздраженно косился на весельчаков, опошляющих всю романтику. Вот там – настоящая жизнь, а не рутина грузоперевозок! Да еще в компании неудачников и лодырей.

Паша, впрочем, прекрасно понимал, что привирает, и на смех не обижался. Выговорившись, он принялся расспрашивать, что произошло с транспортником, участливо охая в нужных местах. Сам торгош угодил в «завис» куда более банальным способом: прослышал о якобы золотоносном астероиде, дрейфующем в этом секторе, и метнулся на поиски, но Пашу то ли опередили, то ли одурачили. Вот и пришлось несолоно хлебавши провисеть в космической пустоши почти месяц.

– Больше всего боюсь, как бы моя девчонка за это время к другому не ускакала, – доверительно признался он. – С астероидом-то я бы себе вмиг любую подцепил, а так...

– Ну не любую, – ревниво отозвалась Полина. – Но если

эта ускачет, то и фиг с ней. Любовь должна быть к человеку, а не к астероиду.

Паша рассмеялся, показав крупные желтоватые зубы, опрокинул рюмку и великодушно предложил:

– У меня чуток свободного места есть, могу одного-двух человек с собой захватить, если прихворнули или там спешат куда-нибудь.

Станислав покачал головой – спешить на его корабле было уже некому, – но все-таки громко спросил:

– Ребята, никто не хочет сойти?

Команда громко зафыркала: мол, за кого вы нас принимаете?!

– Я пойму, – на всякий случай добавил капитан, но добровольцев опять не нашлось – хотя Алексей промолчал и в первый, и во второй раз.

– Уважаю! – честно сказал Паша. – А вот на «Стальной комете», помнится...

Разговор снова свернул на космические байки, и время пролетело незаметно.

– Пойду-ка я, пожалуй, вздремну часок-другой перед отлетом, – решил Паша, широко зевая. – А то глаза слипаются, как бы не напортачить с управлением. Вы не против, если я попозже отстыкуюсь?

– Можете и у нас переночевать, – великодушно предложил Станислав. – В каюте или вон прямо на этом диванчике, мы вам одеяло дадим. Хоть до утра спите.

– Ох, спасибочки! – обрадовался Паша. – Точно не помешаю? Серьезно? Ну, я ваш должник! До утра-то нет, мне только мозги освежить, а потом отчалю тихонько – даже беспокоить вас не буду.

От каюты гость тоже отказался, заявив, что типовые койки осточертели ему на собственном корыте, и с наслаждением растянулся на диванчике, положив «лишний» кусок ног на мягкий подлокотник.

Вечер определенно удался. Омрачило его только одно: уже отправившись спать, Станислав обнаружил, что Маша заперла кошку в его каюте и она там вовсе не скучала.

* * *

Через полчаса лежавший бревном и вроде бы мгновенно уснувший Паша беззвучно откинул одеяло, сел, спустил ноги с диванчика... и вздрогнул, обнаружив, что он в пультогостиной не один.

– Тебе чего здесь надо? – сердитым шепотом поинтересовался он.

– Активирован ночной охранный режим, – бесстрастно отозвался стоящий в проеме коридора киборг. Оружия у него не было, но скрещенные на груди руки вполне его заменяли.

– Когда? – Паша прекрасно помнил, что Станислав ото-слал спать всех, включая эту рыжую куклу.

– Автоматически, с полуночью.

Гость скрипнул зубами.

– Иди на свое место, – приказал он. – Ты тут больше не нужен, я сам покараулю.

Рыжий не шелохнулся.

– Извините, но вы не относитесь к числу моих хозяев и приравненных к ним лиц. Обратитесь к ним за расширенным доступом.

Паша негромко матюгнулся и сделал еще одну попытку:

– Ты же человеку спать мешаешь, разве не ясно?!

– Чем именно я вам мешаю? – потребовал уточнений проклятый киборг.

– Чем-чем, пялишься на меня, как сыч!

Рыжий послушно развернулся на сто восемьдесят градусов, но оба прекрасно понимали, что это ничего не меняет. У DEX'a был отличный слух, и в случае необходимости он мог восстановить статус-кво очень, очень быстро.

Паша раздраженно плюхнулся обратно и отгородился от киборга поставленной торчком подушкой.

* * *

Утром на диванчике уже никого не было, на стыковочном узле – тоже, и команду снова охватило уныние. На не убранном с вечера столе трупом павшего воина лежала бутылка из-под коньяка, и Станислав тихо порадовался, что не рас-

пил ее пополам с Венькой. Иначе к метафорической головной боли добавилась бы реальная.

Дежурная Полина сонной мухой ползала по «столовой», но, когда завтрак наконец был готов, за столом по-прежнему пустовали два места.

– Дэн еще спит, – предвосхитила капитанский вопрос девушка. – Я к нему заглядывала, когда кошку искала.

– В смысле – спит? – опешил Станислав. – Ему что, ночи не хватило?

– Пусть себе отсыпается, – вступился за рыжего Вениамин. – Он только кажется здоровым благодаря имплантам, а на самом деле ему еще восстанавливаться и восстанавливаться.

– Ладно, а Алексей где? – Капитан боялся даже предположить, чем бывший и нынешний навигатор могли заняться вдвоем, что так умаялись. – Тоже восстанавливается?

– Не знаю, у него дверь заперта, – гораздо прохладнее отзывалась девушка.

– Перепил, – цинично предположил Теодор.

– Всем же поровну разливали, – удивился Вениамин, – грамм по сто двадцать вышло, не больше.

– Много ли медалисту надо!

Станислав, не желая плодить домыслы, поднес к губам комм... но, к всеобщему удивлению, зуммер вызова раздался из навигаторского кресла. Пустого.

Команда недоуменно переглянулась и в следующую се-

кунду, будто ударенная током, кинулась на звук.

Комм лежал на сиденье. На стопочке листков договора о найме навигатора, увенчанной заявлением об увольнении по собственному желанию.

– Смылся, – презрительно констатировал Тед. – Трепетная душа гения не выдержала суровых реалий космоса.

Михалыч громко закричал, намекая, какая именно реалья больше всего ударила по самолюбию белобрысого.

– Маша, – громко спросил Станислав, все еще надеясь, что навигатор сидит в своей каюте, ожидая, когда к нему прибегут извиняться и уговаривать, – где Алексей?

– Блондинчик покинул корабль в три часа семь минут, – как ни в чем не бывало отозвалась Маша, избегая, впрочем, показываться капитану на глаза. – Вместе с нашим вчерашним гостем.

– Почему ты мне сразу об этом не доложила?

– Не хотела тебя будить, милый, – нежно сообщила Маша. – А что, надо было?

– Надо?! Член экипажа ночью уходит с судна посреди космоса и ты считаешь это ерундой, не стоящей моего внимания?

– Но ты же сам разрешил ему уйти, – обиделся искин. – Даже два раза. Хочешь запись посмотреть?

– Нет, – сник Станислав. – Я помню. Но почему он не сказал мне это в лицо, сразу?

– А может, он в последнюю минуту решился? – сочув-

ственно предположила Полина. – И не захотел вас расстраивать?

– Себя он расстраивать не захотел, – безжалостно возразил Теодор. – Ничего, все равно на свой концерт не успеет. Даже если экспрессом туда кинется.

– А ты и доволен! – упрекнул Вениамин.

Пилот, не споря, пожал плечами:

– И, кстати, его трасса мне тоже не нравилась.

– До последнего прыжка или после? – ради справедливости уточнил доктор.

– До его заявления, что это я облажался, – мстительно сказал пилот. – Семь лет за штурвалом, а тут какой-то сопляк...

– Не знаю, как насчет облажался, но накаркал это именно ты, – осадил его Станислав. Если бы пилот поменьше задирал новичка, возможно, Алексей тоже вел бы себя иначе.

– Чего?!

– А кто пообещал, что будет вести корабль до Мерака месяц?

– Если я такой жуткий колдун, то, может, не стоит меня злить? – огрызнулся Тед – впрочем, совсем тихо. Капитанская магия была по определению сильнее.

– По-моему, это место на нашем корабле проклято, – обреченно сказал Станислав, уставившись на навигаторский пульт. – Хоть вообще никого к нему не подпускай, накрой защитным куполом и обвесь красными флажками.

– Может, достаточно будет выкинуть кресло? – предполо-

жил Вениамин, пытаясь подбодрить друга. – Вдруг проклятие наложено только на него?

– Зачем выкидывать? – с готовностью присоединилась Полина. – Давайте позовем священника, пусть он изгонит из кресла злого духа.

– Учитывая, что только в нашей Галактике примерно триста официальных религий и вдвое больше культов, – прикинул Теодор, – каковы шансы, что дух и священник совпадут?

Станислав страдальчески дернул уголком рта: лучше бы молчали!

– Ладно, хватит, – решительно сказал он, отворачиваясь от кресла. – Алексей сделал свой выбор, и меня он совершенно не удивляет. Скорее это мы отвыкли от логичных поступков. Так что садимся на планету, чинимся, дожидаемся гашения и летим домой. Все, наигрались!

– Но Станислав Федотович... – жалобно начала Полина.

– Хватит, – жестко повторил капитан.

* * *

Станислав в последний раз шел по своему кораблю. То есть, конечно, придется ходить еще месяц, а то и полтора, но ощущения были именно такие – прощальные. Повинуясь внезапно нахлынувшему чувству, капитан остановился посреди коридорчика, провел рукой по светящейся линии, не столько разгоняющей темноту, сколько подчеркивающей. В

ночной тиши транспортник казался особенно родным и уютным. Сегодня он еще летел вперед, к неизведанному, – а потом будет только отсидка и позорное возвращение с объяснением со всеми заказчиками по очереди.

До Станислава с удручающей ясностью дошло, почему некоторые вроде бы хорошие и умные люди уходят в пираты. Что для банка отобранный за долги корабль? Галочка в бумагах. И законопослушно отдать за нее самое дорогое...

– Так я тебе имя и не придумал, – виновато прошептал капитан, убирая руку. Отвернулся, шагнул вперед – и вздрогнул от неожиданности: Дэн сидел в «проклятом» кресле. По сосредоточенному лицу рыжего плясали слабые отблески развешанных полукругом вирт-окон. В одном была составленная Алексеем трасса, густо испещренная пометками, в другом – первоначальный вариант, на остальных – текст с голографиями. Приглядевшись, Станислав понял, что это новостные сводки о каких-то авариях; самой жизнерадостной картинкой была мумия на больничной койке. Остальным, видимо, повезло еще меньше.

При появлении капитана киборг даже не шелохнулся, и Станислав решил его тоже игнорировать: молча прошел к самому широкому иллюминатору, заложил руки за спину и сделал вид, что любит космос. Пенелопа и Одиссей были уже совсем близко, как разноцветные глаза огромного зверя, притаившегося в звездных джунглях. Разглядеть планету Станислав пока не смог.

Биоклавиатура еще немного пошуршала и замолчала.

– Это я виноват, – неожиданно сказал Дэн.

– В чем? – не понял капитан. – Что Алексей сбежал?

– Нет. Что мы застряли в открытом космосе.

Станислав резко повернулся. Рыжий по-прежнему на него не смотрел – но и в окна, похоже, тоже.

– В трассе Алексея все-таки были ошибки и ты о них умолчал?

– Нет. Она составлена правильно. Хорошее решение.

– Тогда что ты имеешь в виду? – еще больше запутался капитан.

– Мне не нравился переход Е-22 – К-321. Три года назад в этом районе почти подряд сбились с курса четыре корабля, но специальная комиссия не обнаружила никаких аномалий и станции вернули статус «А». Решили, что проблема заключалась в неисправности прыжковых двигателей. Случайное совпадение. Но из своей трассы я эту станцию все-таки исключил.

– Почему?

– Не знаю, – мрачно сказал Дэн. – Выбор усредненного варианта.

– А может, интуиция? – предположил капитан, подходя ближе и облакачиваясь на спинку навигаторского кресла.

– У киборгов ее нет.

– Не, Дэн, ты не киборг... – задумчиво протянул капитан, и, когда рыжий недоуменно поднял голову, рывкнул: – Ты

идиот! Как глупости делать, так он, видите ли, человек, а как отвечать за них – так сразу машина и с нее взятки гладки?! Нет уж! Мне плевать, что там у тебя есть и как оно называется – интуиция, удача, программа, гремлины в центральном процессоре, но если ты наш корабль в эту дыру завел, то тебе его оттуда и выводить! И если я *еще раз* услышу, что ты, дескать, что-то там не сделал, поскольку *подумал*, что киборги думать не умеют, я с тобой как с киборгом и поступлю, ясно?! Нет, не в мусоросжигатель – размечталось, ценное оборудование! Продам на какую-нибудь отсталую планету, ящики на складе таскать или грядки полоть. Уж там-то тебе мозги точно не понадобятся, сможешь с чистой совестью их отключить! Надеюсь, я был *достаточно* убедителен?!

– Да, капитан, – помедлив, подтвердил Дэн. Судя по его тону, Станиславу удалось не только добиться искомого пятидесяти одного процента, но и непостижимым образом вылезти за сотню. – Вполне.

Капитан удовлетворенно кивнул и выпрямился.

– Вот и выполняй тогда.

– Да, капитан, – повторил навигатор и снова уткнулся в экран. Станислав посмотрел-посмотрел на мелькающие в вирт-окнах картинки, хмыкнул и вышел из пультогостиной.

Дэн откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В принципе устройства внешнего ввода-вывода данных ему были не нужны, можно напрямую подключиться к базам корабля из любой его точки, хоть из уборной. Но на рабочем месте –

именно в таком виде, с окнами, пультом и креслом – думалось намного лучше.

Справа от биоклавиатуры стояла коробка с сахаром, закупленным специально для киборга. Самый легкий, быстрый и удобный источник энергии для имплантатов, особенно необходимой после болезни или травмы, когда собственные мышцы работают еще неважно.

Дэн не глядя взял из коробки один кубик, покрутил в пальцах. От рецепторов и нанодатчиков хлынула информация, рисуя под закрытыми веками трехмерную модель объекта с результатами анализа: 22x18x15 мм, 5,98 г, содержание углеводов – 99,81 %, энергетическая ценность 21,3 ккал – и еще куча всевозможных сведений.

Кроме главного: вкуса.

Рыжий метко бросил кубик обратно, открыл глаза, встал и отправился в кладовку.

Вернулся он оттуда с банкой сгущенки.

* * *

Утром Теодор проснулся раньше всех и, вспомнив, что сегодня его очередь дежурить на кухне, со скуки взялся печь блинчики. Такого подвига от него никто не требовал, но у пилота было слишком паскудное настроение, чтобы усугублять его размороженным батоном и консервами.

Пять первых блинчиков уже подрумянились с одной сто-

роны, когда в «кухню» – правый дальний от шлюза угол пультагостиной – зашел Дэн. Постоял-постоял рядом, наблюдая, как пилот поочередно подковыривает блины вилкой (лопаточку Тед считал профанацией), и неожиданно попросил:

– Научи меня готовить.

– Чего? – опешил Теодор, поворачиваясь и задевая локтем кастрюлю с тестом. – Ах ты ж черт!

Дэн деликатно выждал, пока кастрюля отгремит по полу, и добавил:

– Пожалуйста.

– На кой оно тебе? – недоверчиво буркнул пилот. – Загрузи себе программу шеф-повара, и вперед!

– Не могу, – серьезно ответил рыжий. – Базовые навыки занимают слишком много места, чтобы в цифровой памяти поместились сразу две специализации. Вначале придется стереть боевую.

– Ну так сотри, – сердито посоветовал Теодор, поднимая кастрюлю и со слабой надеждой заглядывая внутрь – но увы. Растекшееся тесто доползло до ножки стола и останавливаться на этом, похоже, не собиралось. – И вообще, у тебя там еще вода недоперелита!

Рыжий, не настаивая, отвернулся, но не успел сделать и пяти шагов, как пилот ворчливо окликнул:

– Ладно, иди сюда! Все равно из-за тебя заново начинать придется.

Начать пришлось с уборки. Пока Дэн отмывал пол, Теодор подставил под кран испачканный бок кастрюли и словно бы нехотя поинтересовался:

– А если по-честному, какой у тебя стаж навигатора?

Киборг оценивающе покосился на пилота:

– Тот месяц, что я с вами на Степянку летал, считать?

– Считай, – разрешил Тед.

– Тогда месяц.

– Опа, – только и сказал пилот, потрясенно отворачиваясь к кастрюле. – Ну, это... У тебя неплохо получается.

– Я видел, как работают навигаторы, – пояснил Дэн. – Мне понравилось. Трасса – это как огромная головоломка с кучей плавающих, постоянно изменяющихся условий. Ее можно решать бесконечно, и каждый раз по-другому. Главное – привести корабль к цели, а каким путем, ты выбираешь сам. Всю теоретическую информацию я нашел в инфранете, а практику уже в пути подтянул.

– А сколько тебе... ну... – Пилот замялся, сам не зная, хочет ли он знать ответ.

– Семь.

– Надеюсь, не месяцев?!

– Нет. – Дэн впервые за месяц, пусть и едва заметно, улыбнулся, в последний раз отжал тряпку и выпрямился. – Что дальше?

– Да проще некуда. – Теодор сунул киборгу свежеотмытую кастрюлю. – Наливаешь сюда на глазок воды...

– На какой глазок? – тут же потребовал уточнений рыжий, рассматривая посудину. Метки «глазок» и «два глазка» на ней почему-то не было.

– Ну, чтобы всем хватило, – пояснил пилот.

– Девять литров сюда не влезет.

– Почему именно девять?! – опешил Теодор.

– Армейская суточная норма воды – полтора литра. А нас шестеро.

– М-да, – задумчиво почесал макушку пилот. – Похоже, насчет «проще» я погорячился... О! Представь, что тебе нужно решить головоломку, имея на выходе кастрюлю теста, а на входе – вот эти продукты...

* * *

Под потолком пультогостиной сизым туманом колыхался дым. Вентиляционная система работала на максимуме, с жадным гулом засасывая дым в решетки, но ее мощности явно не хватало.

– Выгдым прзшло? – опасливо поинтересовался Михалыч, разбуженный запахом гари и, разумеется, кинувшийся проверять, не по его ли это ведомству.

– Стажер за плитой, – ехидно сообщил Теодор. Сам пилот уже расслабленно сидел за накрытым столом и медитировал на дым.

– Ты сказал: «Следи за ними», – укоризненно напомнил

Дэн, стряхивая на блюдо последний блинчик, большой и кляксообразный. – А не: «Следи, чтобы они не пригорели»!

– Я думал, ты это понимаешь!

– Теперь понимаю.

Полина с подозрением отщипнула кусочек, попробовала и захихикала:

– Сразу видно, кто делал.

– Что, невкусные? – удивился пилот, на правах шеф-повара успевший снять пробу. Точнее, пять-шесть проб.

– Да нет, вкусные. – Полина нагребла себе на тарелку сразу несколько штук. – Только чай я, пожалуй, сахарить не буду.

Последним к столу вышел Станислав, так глубоко погруженный в невеселые раздумья, что дыма даже не заметил. Капитан рассеянно взял с блюда блинчик, надкусил, озадачился, но ничего спросить не успел: над голографической подставкой снова заплескался океан, на этот раз не изнутри, а с поверхности, с гребешками волн, противно орущими чайками и штормовыми облаками на горизонте. Не хватало только запаха соли, рыбы и водорослей, но он тут же с успехом нафантазировался.

– Капитан! – срывающимся от волнения голосом позвала Маша – уже без русалочьего хвоста, зато в моряцкой бескозырке с ленточками и форменной – для лилипутов – юбке. К груди «юнга» прижимала зеленую пузатую бутылку из-под рома, отчасти заслоняющую прелести, отчасти работающую линзой. – Получен сигнал SOS!

Маша оторвала бутылку от груди и потрясла ею с видом «тебе письмо, танцуй!». Внутри с сухим шелестом перекатилась свернутая трубочкой записка.

Станислав поперхнулся блинчиком:

– Что еще за сигнал? В смысле, что случилось, когда, где?

– Не знаю, милый, – сокрушенно покачала головой «юнга». – Простая морзянка, передается на общей частоте.

– Немедленно отправь им ответный запрос!

– Еще двадцать секунд назад отправила, – надула губки Маша. – Пока молчат. Впрочем, «где» – я тебе и так могу показать.

«Юнга» зубами вытащила из бутылки пробку, вытряхнула бумажку, и та мигом развернулась в рукописную карту звездного неба, с пунктирами от созвездия к созвездию, рисунками мифических чудовищ и «Веселым Роджером» в верхнем левом углу. Посредине мигал красный крестик «клада».

Несмотря на специфическое оформление, две звезды и вращающаяся вокруг них планета опознались на раз, а для сравнения достаточно было посмотреть в иллюминатор.

– Ну и отлично, – безмятежно заметил Тед, под суровым капитанским взглядом тут же поправившись: – В смысле, мы же и так туда летим. А теперь у нас есть точные координаты высадки.

– В которых кто-то уже угробился, – опасно проворчала Полина.

– Да мало ли что могло случиться? – Теодор подозревал,

что с беднягами случился неважный пилот, а уж их-то транспортнику ничего не грозит. Но из скромности предложил еще несколько вариантов: – Может, просто двигатель сломался, провизия закончилась или эпидемия началась.

– Тогда тем более надо сесть подальше! – пуще прежнего разволновалась девушка. – Правда, Станислав Федотович?

Станиславу куда больше не нравилось то, что потерпевшие не выходят на связь. Это могло означать как поломку оборудования, так и гибель всего экипажа. Сигнал же подает автоматический маяк, который и сто лет может пищать. Из воронки на месте ядерного взрыва.

– Странно, что Павел его не засек, – заметил капитан. – Он же месяц в этом секторе болтался.

– Значит, свежак, – решил Теодор. – Не мог же Пашка просто пролететь мимо и даже нам ничего не сказать.

За время службы в космофлоте Станислав успел насмотреться как на героев, так и на подонков, поэтому не стал это комментировать, а поинтересовался:

– Тед, мы можем лететь быстрее?

– Спрашиваете! – Пилот бросил недопитый чай (после «пробных» блинов основные в него все равно не лезли) и поспешил к пульту, больше не заикаясь про износ движка. Из кресла, в которое Теодор не удосужился взглянуть, в последний миг с истошным воплем выскочила кошка. Нашкодить она там не успела, а может, просто дрыхла в уютной вмятине, но все равно огребла пару сочных эпитетов.

– Будем там примерно через три часа, – сообщил пилот несколько минут спустя. – Можно и через два с половиной, конечно...

– Не надо, – поспешно возразил Станислав, чувствуя натугу в ровном гуле двигателя так же хорошо, как учащенное биение собственного сердца. – И так нормально. Маша, продолжай посылать запрос. Может, они сумеют починить аппаратуру или мы пройдем через область каких-то помех. Как только появится новая информация, немедленно доложи мне.

– А если не появится?

Станислав в этом тоже сомневался.

– Тогда войдем в атмосферу, покружим над источником сигнала и прикинем, что к чему. А там по обстоятельствам. Вениамин, Полина, на всякий случай подготовьте медотсек к приему пациентов.

Команда подтянулась, оживилась и засуетилась – не столько по делу, сколько от предвкушения оного. Островком спокойствия оставался только Дэн, снова занявший навигаторское кресло и смотревшийся там так естественно, будто никуда и не уходил.

Теодор, переключившись на ручное управление, тоже сидел на месте как приклеенный, не выпуская штурвал и параллельно просматривая информацию в вирт-окнах. Вот что-то привлекло его внимание, и пилот, полуобернувшись к напарнику, задал ему какой-то вопрос. Рыжий рассеянно

пожал плечами, но потом все-таки ответил, заставив напарника ухмыльнуться, и у Станислава неожиданно посветлело на душе.

А еще капитан вспомнил, что так и не позавтракал. Но на тарелке уже ничего не было, и только по полу к диванчику тянулся масляный след.

* * *

– Вот он, – сказал Теодор, укрупняя изображение до максимума.

В долине лежала огромная груда металлолома, искореженного и наполовину вмятого в землю, а вокруг – на внушительном расстоянии – валялись отколотые куски. Видать, со всей дури врезался в планету, а то и взорвался. Не удалось даже определить тип судна, хотя по кое-каким приметам Станислав сделал вывод, что оно человеческое и сошло с верфи еще в прошлом столетии.

– Здоровенный какой! – Полина выглянула в иллюминатор. Из него развалины тоже были видны, транспортник висел аккурат над ними. – Наверное, уйму пассажиров вез... – сокрушенно добавила девушка.

– Может, это военный крейсер был, – предположил Тед.

– Если наподобие «Проповедника», то по штату – тысяча двести семнадцать единиц экипажа. – Станислав снял фуражку. Транспортник помигал посадочными огнями, точ-

ка-тире-точка, но картинка внизу не поменялась: ни сигнальных ракет, ни костров, ни беготни с воплями и подскоками.

– Что-то не похоже на свежак, – заметил Вениамин.

Из-за пронзительно-алой растительности, аж сияющей под двумя солнцами, казалось, будто корабль все еще горит, но, когда глаза привыкли к разноцветью, стало ясно, что огромная металлическая туша оплетена лианами, а в одном месте всполошенно кружат над гнездом три существа размером с аиста.

– Выжившие могли уйти с корабля, – без особой надежды сказал Теодор. – Вдруг там радиация или болото.

– Радиации нет, – сверился с приборами Станислав. – Сейчас по крайней мере. И они захватили бы маяк с собой, ведь спасатели будут ориентироваться по нему.

– Может, очень спешили? Две минуты до взрыва и все такое...

– К тому же мы не знаем, как быстро растут эти лианы, – поддержала друга Полина. – Вдруг им одной ночи хватает, чтобы на десяток метров вымахать.

– Птицы гнездо тоже готовым принесли? – Капитан подвигал изображение во все стороны, убеждаясь, что нигде ничего не копошится. Разрешение было неважным, но даже отсюда корабль выглядел проржавевшим насквозь. – Как бы то ни было, осмотреть его все равно надо. Найти и отключить маяк, чтобы не вводил в заблуждение другие корабли,

а заодно поискать «черный ящик», судовой журнал или хотя бы на глаз попытаться определить, что здесь произошло.

* * *

Транспортник сел на краю долины, километрах в полутора от места аварии. Почва оказалась каменистой и пыльной, пришлось около получаса ждать, пока пыль осядет (ждали бы и меньше, если бы раньше заметили, что осела она преимущественно на стекла).

Идти, после короткого совещания (экипаж столпился у шлюза и так уставился на Станислава, что капитан ощутил себя укротителем, забывшим покормить львов перед выступлением), решили все вместе.

– Как там за бортом? – поинтересовался Вениамин.

– Терпимо, – Станислав снова развернул сводку, – но скафандры придется надеть. Всего сто тридцать четыре градуса тепла... Маша! С каких это пор мы используем шкалу Фаренгейта? (Искин хихикнул, намекая, что с тех самых, как ему вздумалось разыграть капитана, но цифры исправил.) Ага, плюс пятьдесят семь, сила тяжести – ноль девять десятых, сильный ветер, уровень солнечной радиации не критический, но высокий. Воздух пригоден для дыхания, однако разреженный, и в нем лишь восемнадцать процентов кислорода, душноовато будет с непривычки. К тому же планете присвоен индекс опасности «два», здесь водятся мелкие хищни-

ки и кровососущие паразиты.

– А им от нашей крови плохо не станет? – усомнилась Полина. – Все-таки инопланетный вид, другие белки, другие ферменты...

– Станет, но уже после того, как поплохеет нам. Поэтому далеко от меня не отходить, щитки не поднимать, к местной фауне с радостными воплями не кидаться, – Станислав специально выдержал паузу, чтобы «тонкий» намек с гарантией дошел до адресата, – и к флоре, на всякий случай, тоже.

Зоолог тоскливо вздохнула:

– Ну разрешите хоть баночку для образцов взять!

– Разрешу, – смилостивился капитан, но, едва Полина, востепенувшись, нацелилась на жестяной бак из-под смазки (хозяйственно отмытый Михалычем и выставленный на стол для просушки), подстрелил ее на взлете: – Когда научишься эти образцы в баночках удерживать. И будь добра, запримани кошку в каюте хотя бы на время нашего отсутствия! А то как бы она, прогулявшись по пульту, не улетела с планеты без нас.

– У кошки нет доступа к управлению, – разочарованно проворчала девушка. – Маша даже меня блокирует.

– А ты что, проверяла? – насторожился Теодор.

– Ну... однажды нажала пару кнопочек, – смутилась Полина. – Случайно. И ничего не произошло!

– Кошку – в каюту, – еще строже повторил Станислав.

Оба солнца палили так нещадно, что затемнить щитки пришлось еще в шлюзе, а включить систему охлаждения скафандра – едва спустившись по трапу. Ветер, увы, коррекции не поддавался и налетал на незваных гостей резкими и яростными толчками, будто пытаясь запихнуть их обратно в корабль.

– Зато назад легче будет идти, – оптимистично сказал Тед.

Пониженная сила тяжести компенсировала вес скафандров, но они все равно ощутимо сковывали движения. Землю покрывала сухая растрескавшаяся корка, из-под которой, впрочем, обильно росла длинная тонкая трава. На ветру она почти не гнулась, а только нежно, жалобно гудела, вызывая безотчетное чувство тревоги.

– Ого, прочная! – Полина подергала за стебелек, больше напоминающий медную проволоку, но, услышав предупредительное капитанское покашливание, мигом разжала пальцы.

Из-под ботинка Вениамина вывернулась плоская, на удивление сильная тварь, опрометчиво принятая за вросший в землю камень, и с победным верещанием учесала в проводочную степь, только трава змейкой закачалась.

– Тьфу ты черт! – пошатнулся доктор, вовремя подхваченный под локоть Михалычем. – Смотрите под ноги, тут

водятся беговые черепахи. Еще и цапнула, зараза!

Скафандр остался цел, но зубная формула в виде вмятин и царапин впечатляла. По крайней мере, Полина перестала украдкой подбивать все окружающие камни и пристроилась в спину Теодору.

Рыжий по-прежнему держался особняком, подавая голос, только если к нему обращались, но хотя бы перестал стеклянно пялиться в одну точку, не получив иной команды. И, как заметил Станислав, слегка прихрамывал.

«Птицы», едва успокоившиеся после отлета транспортника, при приближении людей снова сорвались с гнезда. Две закружили под облаками, а третья, самая крупная, выставила вперед лапы-крючья и беззвучно ринулась вниз.

– Дэн!

За миг до крика киборг походя наклонился, подобрал увесистый осколок металла и взмахнул рукой. Подбитая зверюга с гневным воплем шарахнулась в сторону, заложила кривой вираж, достойный Теодора, и скрылась за развалинами.

– Что? – невозмутимо поинтересовался рыжий, поворачиваясь к капитану.

– Э-э-э... Уже ничего, – пробормотал Станислав, пряча в кобуру бластер и жалея, что нельзя поднять щиток и вытереть проступивший на лбу пот. – Держись ближе, я же приказывал!

Киборг покорно присоединился к компании, уже столпившейся возле предполагаемой кормы корабля, и капитан на-

конец понял, почему при всем своем опыте не смог с ходу его опознать. Эта развалина когда-то действительно была военным крейсером – как лежащий на берегу скелет когда-то был китом, пока местные жители не растащили мясо на еду, жир на свечи и мыло, сухожилия на нитки, ус на сети и щетки, а в черепе не устроили дом.

– Сдается мне, что выжившие тут все-таки были, – озвучил общую мысль Вениамин. Кто-то же содрал с крейсера обшивку и возвел из нее трехметровый забор вокруг наименее поврежденной части остова, грубо, но намертво заварив швы между стальными листами. На опорных столбах сидели, как огромные костлявые грифы, рыжие от ржавчины турели с многоствольными пулеметами.

– И куда исчезли? – Полина подняла голову и поежилась. Пристальный «взгляд» пучка стволов, устремленных прямо на гостей, нервировал даже капитана.

– Пойдемте дальше, – распорядился он. – Раз есть забор, то должна быть и дверь.

Космолетчики сделали два полных круга, но так ее и не нашли – залезать в крепость и выбираться из нее, видимо, полагалось по лестнице. Зато Теодор обнаружил заводской штамп на одном из листов: «Земля, 2098 г.», а когда кончиком монтировки соскреб хлопья ржавчины, удалось разобрать и марку судна – «Альбатрос».

– У этого типа кораблей есть автономная система гашения.

Идея, а главное, высказавший ее голос настолько всех ошеломили, что команда дружно развернулась к Дэну, который невозмутимо добавил:

– Если удастся ею воспользоваться, то мы сможем вернуться на маршрут, потеряв всего несколько дней.

Станислав прикинул, где могло находиться нужное оборудование, заключил, что как раз внутри крепости, но все равно усомнился:

– У корабля второго поколения небось и система допотопная, на другие разъемы и напряжение.

– Главное, чтобы работала, – возразил рыжий. – А принцип один.

– Угдым, – согласился Михалыч, выражая готовность собрать переходник из любых подручных материалов, даже если это будут палки и камни.

За оградой что-то скрипнуло, мигом оборвав разговор.

– Может, ветер какой-нибудь трос качает? – неуверенно предположила Полина после двух минут напряженного вслушивания.

– Сейчас узнаем. – Станислав взял у Теда монтировку и постучал ею по ближайшему листу. Забор загудел, как огромный бубен. – Эгей, есть кто дома?

Звук еще не успел утихнуть, как из-за гребня ограды рывком, как мишень злоумышленника в тире для копов, высунулся по пояс старик в скафандре, но без шлема. Похоже, скрип издавали ступеньки лесенки, по которым он краду-

чись взбирался.

Не успели гости расплыться в приветственных улыбках, как дед наставил на них допотопное ружье с разбитым лазерным прицелом, воинственно тряхнул редкими длинными космами и тонким сварливым голоском гавкнул:

– А ну пошли вон отседова, гады!

– Что? – не поверил своим ушам капитан. – А зачем же вы тогда SOS подаете?

– А я не вам!

– А кому?

– Людям!

Команда недоуменно переглянулась.

– А мы тогда кто?

– Зараженцы с мозгоедами! – с глубочайшей убежденностью заявил дед.

– Кто? – пораженно переспросил Станислав.

– Паскудные инопланетные твари, которые прилетели за моим мозгом! Только шиш вам! – Дед сунул ружье под мышку и для убедительности показал сразу два шиша.

Космолетчики так опешили, что даже не обиделись.

– Точняк, дед, но не парься: мы уже видим, что опоздали, – проворчал Теодор. – Похоже, старичок-то совсем сбрендил.

– Неудивительно. – Капитан сочувственно разглядывал исхудалое, обветренное и загорелое до черноты лицо, на котором даже сквозь бороду проступали шрамы. – Единствен-

ный выживший после аварии, десять лет одиночества...

– Больше, – поправил Вениамин. – Ему на вид лет шестьдесят – семьдесят, а из космофлота комиссуют в сорок. Даже если это был его последний рейс...

– Спасибо, я в курсе, – перебил Станислав, сердясь больше на себя – что сам не сообразил. – Значит, двадцать – тридцать, тем более. Тут у кого угодно крыша поедет.

– Чего вы там шушукаетесь, а? – подозрительно окликнул дед, вытягивая тощую шею. – Небось гадость какую-то замышляете!

– Выходит, спасти вас не надо? – уточнила Полина.

– Ха-ха-ха! – презрительно отозвался затворник. – Нашли дурачка! Хрен я вам живым дамся!

– Ну и черт с тобой, – обиделся Теодор: надо ж было на всех парах мчаться на помощь, чтобы встретить такой прием! – Хотя... Слышь, дед, а гасилка у тебя работает?

– А то! – подбоченился старик. – Как часики! Вот наши прилетят, зададут вам перцу – и по горячим следам на вашу планетку, чтоб одним махом это осиное гнездо выжечь!

Станислав почувствовал себя лисой из старинной басни, тем более что дед тоже поразительно смахивал на растрепанную ворону. Только сыр держал не в клюве, а за забором.

– Дедушка, – дружелюбно начал он, поднимая и разворачивая руки ладонями к «стражу», – я двадцать лет отслужил в космическом десанте и прекрасно понимаю, что вам пришлось пережить: бой, авария, гибель друзей, борьба за вы-

живание... Но поверьте, мы действительно люди и прилетели вам на помощь!

– Доверяй, да проверяй! – объявил дедок, удалым жестом командос вскидывая ружье.

Дэн метнулся в сторону быстрее, чем остальные вообще успели что-либо понять. Судя по дыркам, оставшимся на месте его следов, пули были разрывными.

– А-а-а! – торжествующе завопил старик, ныряя за ограду, как суслик в нору. – Так я и знал! Мозгоеды!

Пулеметы со скрипом задвигались, наводясь на цель.

– Бежим! – гаркнул Станислав. Уставное «отступаем!» никогда ему не нравилось: оптимизма в нем было больше, но и слогов – тоже.

Экипаж выполнил команду быстро, единодушно и с поразительным энтузиазмом. На счастье «мозгоедов», автоматической системы наведения у пулеметов не было и палили они в хаотическом режиме: вверх-вниз и в стороны. Несметные вражеские полчища полегли бы круговым валом, но рассыпавшейся шестерке удалось добежать до ближайшего леса без потерь – не считая потери достоинства.

Заряда хватило всего на пару минут, энтузиазма – еще на пять, так что опомнились беглецы только глубоко в чаще.

– Угораздило ж его пальнуть именно в киборга! – в сердцах буркнул Станислав, прислоняясь спиной к стволу и осторожно из-за него выглядывая – но корабль отсюда уже не было видно. Их оттуда, надеялся капитан, тоже.

– Лучше, если бы в человека? – с укоризной уточнила Полина.

Станислав так не считал, но все равно было досадно.

– Может, он просто попугать нас хотел. Посмотреть, как Дэн отреагирует.

– Извините, капитан, – повернулся к нему рыжий. – Но мне показалось, что вам надоело меня чинить.

В покаянном голосе киборга Станиславу Федотовичу показалась ирония. Судя по хихиканью остальных – не ему одному.

– Ладно, давайте выбираться отсюда, – ворчливо приказал он. – Только не назад, а пройдем через лес и вернемся к своему кораблю круглым путем, чтоб не попасть в зону обстрела.

Лес оказался столь же дружелюбен к чужакам, как и чертов дед. Пока команда продиралась сквозь чащу, бластер почти разрядился: приходилось то прожигать пологи лиан, подозрительно похожих на ловчие сети, то отпугивать местную живность. Может, она ничего такого и не замышляла, но увидеть подобное рыло и не пальнуть было невозможно. Потом пришлось отрывать от Полины толстую змею-пиявку, а потом от змеи – Полину, цеплявшуюся за добычу с умоляющим: «Ну Станислав Федотович, она ведь дохлая и уже точно никуда не убежит! Я сама ее понесу!» Конец спору положила сама змея, внезапно ожившая, выскользнувшая из рук спорщиков и от греха подальше юркнувшая под ближайший

корч.

Наконец измотанная команда вывалилась на опушку и остановилась, переводя дух и обдирая друг с друга клещей. Станислав почему-то пользовался их особой любовью и почти сплошь был утыкан белыми, непрерывно трепещущими крылышками. Казалось, еще десяток-другой – и они поднимут капитана в воздух и унесут в логово, чтобы без помех выгрызть из скафандра.

– Что-то холодно становится, – поежилась Полина.

– Да, у меня тоже зубы постукивать начали, – признался Вениамин, переключая регулятор температуры на обогрев. Одно местное солнце уже зашло, второе цепануло краем горизонт, и с каждым исчезающим лучом ветер становился все сильнее и студенее.

Обеспокоенный Станислав плюнул на клещей – сами в дезкамере отвалятся – и скомандовал «шагом марш». Судя по скорости захода «солнца», до полной темноты оставалось не больше получаса, и кто знает, какие твари выйдут тогда на охоту.

– Смотрите, трава! – на полпути спохватилась Полина.

Жесткая метровая щетка опала вдвое, продолжая укорачиваться на глазах. Зоолог присела на корточки, с изумлением и восторгом наблюдая, как каждая травинка сворачивается спиралькой, одновременно выделяя белую густую пену. К тому моменту, как плотно скрученный диск окончательно скрылся в трещине, вещества скопилось столько, что хвати-

ло ее запечатать.

Капитан обернулся на лес и ахнул. Густая шапка листвы исчезла, не то разом осыпавшись, не то по примеру травы втянувшись в кору, а от горизонта, клубясь и рокоча, быстро напоздали низкие черные тучи. Теодор поспешно дернул Полину за руку, помогая подняться, и команда с утроенной скоростью припустила к убежищу.

Ветер за считанные минуты переродился в ураган, забывая свистом как наружные микрофоны, так и динамики внутренней связи. Дул он хоть и в спину, но чуть наискось от корабля, затрудняя движение и гоня столько пыли, что ориентироваться приходилось по Дэну, а равняться – на Вениамина, которому марш-бросок давался тяжелее всех. Но лучше подождать сейчас, чем искать потом.

Последние несколько метров потребовали таких усилий, что люди даже не запомнили, как поднимались по трапу. Очухались только в шлюзе. А когда на негнущихся ногах из него вывалились, за иллюминаторами бушевала метель, с разочарованным воем швыряя в стекла комья снега.

* * *

К ужину Дэн вышел в свитере.

– Ты бы еще куртку надел, – удивился Теодор, сидевший за столом в футболке и джинсах. Корабль, привычный к космической стуже, легко поддерживал внутри штатные два-

дцать градусов. К тому же над голографической подставкой полыхал виртуальный костер, создавая иллюзию тепла.

– Тебя не знобит? – встревожился и Вениамин.

– Нет. – Рыжий покосился на иллюминатор. – Просто мне так... уютнее.

– Ну раз уютнее... – не стал настаивать доктор. После недели в криокамере его, наверное, тоже трясло бы при одном взгляде на снег. – Маша, сколько там за бортом?

В пламени возник столб с привязанной к нему обнаженной девицей – огненно-рыжей и зеленоглазой в лучших традициях аутодафе. Как и полагается ведьмам, вид у нее был наглый, соблазнительный и ничуть не раскаявшийся.

– Девяносто два мор-роза, – с придыханием сообщила она.

– А по Цельсию? – уточнил Станислав у вредного искина.

– Это и есть по Цельсию. – Дрова моментально погасли и обросли кучками снега, а Маша для наглядности «переоделась» в валенки, шапку-ушанку и шубу с таким глубоким декольте, что настоящая девица живо заработала бы с ним не только воспаление легких, но и цистит.

– Ничего себе перепад! – Капитан тоже резко озяб и поспешил глотнуть чаю. – Как бы наш борец с мозгоедами не околел в своей крепости по такой погодке.

– Что ему сделается-то? – сердито сказал Теодор. – Тридцать лет уже просидел, и это у них сейчас, похоже, еще лето! Может, и нет у него никакой гасильной установки. Просто

соврал, чтобы нас позлить или напугать.

– Сомневаюсь, – покачал головой Станислав. – Псих психом, а снять с крейсера пулеметы, втащить их на стену, подключить к единой цепи и поддерживать в боевой готовности он сумел. Кстати, стена меня больше всего изумляет. Там каждый лист двумя ремонтными роботами с операторами поднимать надо, да еще установить стык в стык, приварить...

– Ну если полжизни только этим и заниматься... – пожал плечами Тед.

– Забор построили быстро, в первые годы после аварии, – негромко возразил Дэн, глядя в дымящуюся кружку. – На соединениях почти такой же слой ржавчины, как и на поверхности листов.

– Значит, время на ремонт гасилки у него точно было. – Внезапно осененный идеей, Станислав выпустил из зубов уже надкушенную булочку: – Кстати, а почему мы решили, что это единственный выживший? Может, внутри есть и другие, нормальные, а это просто сторож.

– Тогда почему они не выскочили на звук пальбы? – резонно поинтересовался Вениамин.

– А мы оглядывались, чтобы это проверить?

– Вообще-то это обязанность командира, – иронично напомнил друг.

– Я не осуждаю, а констатирую факт, – слегка смутился Станислав. – Забор – явно командная работа.

– Вся команда дружно свихнулась и уверовала в наше-

ствие мозгоедов? – хмыкнул Теодор.

– Да тут и без мозгоедов разной дряни хватает, вспомни хоть ту пиявчатую гадину.

Полина вспомнила и горестно вздохнула.

– Конечно, остальные заборостроители могли и не дожить до сегодняшнего дня, – признал Станислав. – Но еще раз туда сходить все равно надо. Может, удастся поговорить с кем-то более вменяемым, а может, дед выспится и успокоится. У человека в конце концов шок, он впервые за много лет увидел людей и, понятное дело, растерялся.

– Не, ну я бы еще понял, если б он нас за пиратов принял, – раздосадованно сказал Теодор. – А то мозгоедов каких-то приплел, зараженцев... Кто-нибудь вообще знает, что это за хрень?

Станислав знал.

– Старая-престарая «утка», запущенная с изобретением прыжкового двигателя. Мол, в глубинах космоса, куда нам прежде не было хода, обитает хищная инопланетная форма жизни, которая только и ждет, когда мы ее откроем. Что-то вроде червячков с нейронными усиками, которые вгрызаются зараженному человеку в мозг и начинают его контролировать.

Тед сделал страшное лицо и потянулся к Полининой шее двумя зловеще шевелящимися пальцами.

– Ерунда какая, – фыркнула девушка, отпихивая его руку. – Чтобы сформировать такие паразитарно-симбиотиче-

ские связи, нужен миллион лет направленной эволюции. А тут вдруг прилетели из чужой галактики – и волшебным образом совпали с нашей нервной системой и физиологией, как ключ с замком?! Разве можно в такое поверить?

– Я верил, – честно сказал Станислав. – Даже спать без света боялся.

– Seriously?

– Еще как. Правда, мне тогда лет семь было.

– Вот и дед, видно, впал в детство, – заключил Вениамин, задумчиво помешивая чай. – Я, конечно, не психиатр, но в данном случае рекомендовал бы бета-галозин. Он снимает подозрительность или по крайней мере заставляет усомниться в своих убеждениях. А тогда уж с пациентом можно нормально побеседовать, уговорить пройти полный курс лечения... – Сахар быстро растворился, но доктор продолжал рассеянно брякать ложечкой.

– А у нас он есть, этот галозин? – заинтересовался Станислав.

– Да, входит в штатную аптечку – в космосе всякое бывает. Но, увы, духового ружья и игл, пробивающих скафандр, к шприцам не прилагается, – вздохнул Вениамин и наконец отпил из чашки.

– Значит, попробуем договориться без лекарств, – с сожалением решил капитан. – У нас есть парочка бронежилетов, на всякий случай наденем их поверх скафандров.

– Всего парочка? А остальные за них спрячутся? – ух-

мыльнулся Теодор, представив эту сцену.

– Остальные будут выжидать поодаль, чтобы и старика не нервировать, и под пули не подставляться. – Полуоткушенный кусок булочки отломился и упал в чай, пришлось поспешно вылавливать его ложечкой.

– И кто пойдет? – оживился пилот. – Мы с Дэнном?

– Дэн – точно нет, – категорически возразил Станислав и, покосившись на ссутулившегося над тарелкой навигатора, уже мягче пояснил: – Он старику и в прошлый раз чем-то не понравился, как бы снова «проверку» не устроил.

– А киборгов тридцать лет назад еще не было, что ли? – удивилась Полина.

– «Двойки». Клоны типовой внешности. – Капитан еле удержался, чтобы не добавить: «А у нас мало того что штучная модель, так еще и заводской брак».

– Кстати, тебе, Стас, я тоже не советую ходить, – вмешался Вениамин. – Лучше прикрой бы нас с тыла бластером.

– Нас? – удивился капитан. – Ты это серьезно?

– Ну я же врач, – гордо выпятил грудь тот. – Я умею общаться с большими людьми.

– Зато ты бегаешь медленно.

– Мне убежать не придется, – самонадеянно пообещал доктор.

– Вгы прлднок? – насмешливо шевельнул усами Михалыч. – Двт я пду ивсскнда сдлаю!

– Ладно, я понял, – покорно сказал Станислав. – Будем

тянуть жребий.

* * *

После полуночи – сутки здесь длились около тридцати часов – ветер поменялся, залепив корабль снегом и с правого борта. Несколько раз сквозь рев бури пробивалась далекая пальба, заставляя всех сначала вскакивать, затем вздрагивать, а под конец со стоном накрывать голову подушкой и желать мозгоедам приятного аппетита.

Несмотря на беспокойного соседа, команда выспалась раньше, чем наступил рассвет, и встретила оный, замороженно глядя на обзорные экраны, а потом и в иллюминаторы. После восхода первого солнца снежная равнина потемнела, захлюпала под лапами падальщиков, выскивающих тех, кто вечером не успел добежать до норки. Под лучами второго долина превратилась в озеро с «замком» посредине, красиво, но недолго отражавшимся в воде: через час она стала грязью с частоколом толстых стеблей, увенчанных огромными нежно-розовыми цветами. Прилетели с ответным визитом вчерашние «птицы» и принялись с мушиным упорством долбиться в силовое поле. Спугнул их только открывшийся шлюз.

– Нормально! – сообщил Тед, первым спрыгнув на землю. Грязь уже загустела настолько, что еще проминалась под ногами, но хлюпать и скользить перестала.

– Как тебе в бронезилете, не слишком тяжело? – обеспокоенно поинтересовался Станислав у Полины. Девушка упрямо помотала головой. Гордость за порученную миссию перевешивала страх (правда, совсем ненамного), и отдать «счастливый» билетик зоолог отказалась наотрез, хотя «проигравшие» дружно предлагали поменяться.

– Ну пошли, что ли.

Теодор безмятежно забросил на плечо палку от швабры с привязанной на конце футболкой. Белой она была только условно и на швабре смотрелась очень органично. Зато не жаль, если пулей пробьют.

– Что говорить, помните? – продолжал напутственный инструктор Станислав.

– «Сдавайся, ничтожный гуманоид!» – прохрипел пилот зловещим басом.

– Тед, отдай флаг Вениамину.

Теодор крепче сжал палку и отрапортовал:

– Вести себя предельно вежливо, без резких движений, не спорить, не настаивать, а спокойно уговаривать.

– И без дурацких шуточек, – сурово добавил капитан, но вялое «ага» его не успокоило. Эх, надо было все-таки самому идти!

Команда учла прошлые ошибки и сразу направилась к лесу. Лезть в чашу не стали, остановились на опушке, готовые, чуть что, попрятаться за деревья. Тед с Полиной двинулись дальше, красноречиво размахивая футболкой. На цветы, уже

полускрытые травой, запоздало слетались «бабочки» – пестрые блюдца размером с ладонь-две. Вместо крылышек шаровидное тельце окаймляла сплошная мембрана, в спокойном полете колышущаяся волнами, а при резком наборе скорости – толчками, как у медуз.

«Крепость» безмолвствовала, даже когда космолетчики приблизились к ней на предписанные капитаном двадцать метров. Теодор, поколебавшись, снял шлем. Солнца еще не раскочегарились настолько, чтобы ослеплять глаза и валить с ног одним тепловым ударом, регуляторы скафандров стояли на «нейтрале». К тому же дед прекрасно обходился без головного убора. Может, открытые человеческие лица вызовут у него больше доверия?

Полина последовала примеру друга. Воздух оказался теплым и сырым, вызывая одышку и неприятное чувство спертости в груди.

– Ой, Тед, смотри, какая красота! – Девушка зачарованно прикипела взглядом к пурпурной с золотыми разводами «бабочке», по спирали спускающейся все ниже и ближе.

Теодор цинично хрястнул по красоте флагом, и правильно сделал – когда тварь упала лапками кверху, между ними обнаружили солидные жвалы.

– Ну и где наш дедуля? – поинтересовался пилот, втыкая шест в землю и заодно, для надежности, в быстро обесцвечивающийся трупик. – Эге-гей, мы мирные парламентареры! Хотим просто поговорить!

– Чево́й вам, мозгоеды? – тут же охотно откликнулся «караульный», высовывая из-за стены нос и дуло винтовки.

– Может, заключим перемирие на часок, а? – Теодор для наглядности помахал «флагом». – Ты нам гасильную установочку одолжишь, а мы тебе консервов там подкинем или скафандр новый.

– Ха, консервы! – презрительно фыркнул дед, убеждаясь в безобидности гостей и поднимаясь в полный рост. – Да у меня тут такая гидропоника, что вам и не снилась! – И в доказательство вытащил из-за пазухи здоровенный спелый помидор, смачно грызнул его за бок и запулил огрызком в «зараженцев». – А шкафандров мне ешшо на тришта лет хватит!

Помидор взорвался у ног пилота, как заправская бомба. Теодор с руганью отскочил назад, наклонился, рассматривая забрызганные ботинки.

– Дедушка, ну войдите в положение! – взмолилась Полина. – Нам надо как можно скорее попасть на Мерак, а без прыжкового двигателя мы из этого сектора улететь не сможем. Дайте погаситься, а?

– Ниче, – воинственно отрезал дед, – само со временем затухнет. Посидите тут месяцок, не треснете!

– У-у-у, старый пень... – сердито прошипела девушка. – По-моему, он даже рад, что мы здесь застряли.

– Еще бы, тридцать лет в одиночестве куковать, а тут такое развлечение!

Дед дожевал помидор, и пули ровеньким веером легли у ног парламентаров. Пришлось бросать флаг и ретироваться в лес. Вслед «мозгоедам» неся дребезжащий и очень обидный смех.

* * *

Совещание устроили уже в корабле, задраив шлюз и сняв скафандры.

– По крайней мере из пулеметов он на этот раз палить не стал, – традиционно попытался внести нотку оптимизма Вениамин.

– Пргрсс! – иронично заметил Михалыч.

– Значит, больной все-таки идет на контакт, – продолжал развивать мысль доктор. – Это обнадеживает. Возможно, нам постепенно удастся завоевать его доверие и добиться устойчивой ремиссии...

– Через месяц, год? – раздраженно перебил Станислав. – Скорее у нас самих крыша поедет.

– Давайте завтра снова к немуходим, проследим, так сказать, тенденцию.

– Сходить-то мы можем, – Теодор рассеянно подбрасывал и ловил за рукоятку тяжелый перочинный ножик, – но, боюсь, старый хрыч только войдет во вкус. Еще бы, сами мозгоеды ему поклоны бьют и с одного выстрела разбегаются! И как он за тридцать лет весь боезапас не расстрелял?!

– Разрывные пули у него только в винтовке. – Дэн, которому, видно, надоело мельтешение стали перед носом, протянул руку и двумя пальцами поймал нож за кончик лезвия. Сложил и спокойно вернул опешившему пилоту. – А пулеметы заряжены цельнолитыми самодельными, я сегодня пару штук подобрал.

– Значит, синтезатор у него тоже работает, – с досадой заключил Тед. – Знай подкидывай металлолом. Эх, был бы у нас станнер... – Пилот укоризненно покосился на капитана, намекая, что приказ вернуть пиратам *все* оружие был не самым разумным.

– Станнера у нас нет, – жестко отрезал Станислав. Трофейный арсенал радовал бы их только до первого таможенного сканера, обернувшись конфискацией со штрафом. – Самонаводящейся сети, гранат с парализующим газом и штурмового бронеробота тоже. Поэтому давайте перейдем от фантастических идей к реальным.

Теодор с кровожадным видом снова выщелкнул лезвие из ножа.

– Из вашего бластера его снять – раз плюнуть!

– Старого душевнобольного человека? – возмутилась Полина.

– Можно в плечо пальнуть или в ногу, – смилостивился пилот.

– А если Станислав Федотович промахнется?

– Дэн попадет.

– Тед, – неприятно изумился Вениамин, – ты это всерьез, что ли?

– Нет, но так приятно помечтать! – Пилот все не мог простить старику своего двойного позорного бегства.

– Мечтай про себя, – велел капитан. – Это его корабль, и он вправе никого туда не пускать. А ситуация у нас не настолько критическая, чтобы брать его штурмом.

– Ага, – мрачно поддакнул Теодор. – Она просто паршивая.

– Ну так надо было улетать вместе с Алексеем, – не выдержал Станислав.

Пилот оскорбленно засопел: одно дело – немного поворчать и совсем другое – бросить команду в трудный момент!

– Больше предложений нет? Значит, остается только ждать и надеяться на лучшее, – подвел итог капитан. – А пока вы с Дэном поступаете под командование Михалыча, можете ему чинить поврежденные датчики, чтобы к моменту взлета все работало. И... Полина, где кошка?

– В моей каюте, как вы и приказывали, – удивилась девушка. – А что?

– Ничего. – Станислав помассировал переносицу. – Непривычно как-то, даже нервничаю слегка.

– Выпустить? – оживилась зоолог.

– Еще чего! – возмутился капитан. – Я просто гадаю, в каком темном углу она очередную пакость замышляет, раз ее так долго не видно и не слышно. А с икрой что?

– Висит, – отрапортовала Полина. – Вроде пока в порядке.

– Когда она начнет вылупляться, ты выяснила?

– На седьмой – девятый день, зависит от температуры.

– Понизь до минимума, – распорядился Станислав, сам не зная, кого обманывает. Даже если они взлетят с планеты прямо сейчас, до Мерака отсюда не меньше двух недель пути. – А может, вообще убрать ее в криокамеру?

– Нельзя, – с сожалением возразила Полина. – Слишком нежная, сразу погибнет.

«А так погибнет попозже», – подумал капитан, но промолчал, решив разбираться с проблемами по мере поступления.

* * *

Ночь выдалась бесснежная, но еще более морозная, чем предыдущая. Теодор задумчиво пощелкал по столбику термометра, словно тот был стеклянным, а не голографическим. Цифра осталась трехзначной, однако загнать парня обратно в постель не смогла.

Дэна пилот нашел в пультагостиной – рыжий спал на слишком коротком для него диванчике, поджав ноги к животу и стянув на себя плед со спинки.

– Эй, Дэнька! – легонько потряс его за плечо Тед.

Киборг мгновенно открыл глаза и совершенно бодрым, размеренным голосом доложил:

– Система готова к работе.

– Чего?! – Теодор, на миг опешив, тряхнул его еще раз, настойчивее. – Давай просыпайся!

– А? – Дэн заморгал, потянулся и уже нормально, заспанно поинтересовался: – Что случилось?

– Гляди! – Теодор сунул ему под нос шприц в защитном блистере. – В медотсеке свистнул.

– «Бета-галозин». – Зрочки киборга на миг блеснули красным: шрифт был слишком мелким, чтобы прочитать его при ночниках. – Тебе-то он зачем?

– Не мне, балда! Хочу нашего соседа угостить, чтоб стал поговорчивее. Пойдешь со мной?

Рыжий медленно взъерошил волосы.

– Станислав Федотович этого не одобрит.

– Одобрит, если все получится. А если нет, то мы ему ничего не расскажем.

– А если он сам узнает?

– Ну как хочешь, – разочарованно сказал Теодор, пряча блистер в кулаке и выпрямляясь. – Один схожу.

– Там холодно, – поежился Дэн, так и спавший в свитере. – И хищники.

– Ага, а здесь плед и сгущенка, – поддразнил пилот. – Тоже мне, боевой киборг. «Система готова к работе», тьфу!

– Система самосохранения в том числе.

Теодор сердито фыркнул, развернулся и пошел к шлюзу, напряженно прислушиваясь: не решит ли законопослушный искин сдать его капитану. Но ни оклика не последовало, ни

свет не зажегся, ни даже диванчик не скрипнул. Поэтому когда в стекле ячейки помимо пилота отразился темный силуэт за его спиной, Тед сам едва удержался от вскрика.

– Что? – обернувшись, с вызовом поинтересовался пилот. – Попытаешься меня остановить?

– Нет. – Рыжий открыл соседнюю ячейку и вытащил из нее второй скафандр. – Пойду с тобой.

– «Станислав Федотович этого не одобрит», – ехидно напомнил пилот, про себя облегченно выдыхая. Без напарника авантюра теряла половину очарования, взамен становясь втрое опаснее.

– Я скажу ему, что ты меня заставил.

– Ну ни фигя себе! – возмутился Тед, но ситуация не располагала к долгим шумным спорам. К тому же Дэн уже нацепил шлем, и достучаться до него теперь можно было только по внутренней связи.

Ночью планета казалась безжизненной: голая земля в белой паутине окаймляющего трещины инея, безлистные корчи-деревья, никаких клещей-бабочек – впрочем, последнее Теодора только радовало. Не смущала его и темнота: в свое время пилот слишком хорошо узнал, что такое *настоящая* тьма. А этой, легко разгоняемой блеклым наручным фонариком, бояться нечего.

В трехстах метрах от крепости фонарики пришлось погасить, а в сотне – и вовсе залечь, оценивая обстановку.

– Термодатчики, – прошептал Дэн.

– Где?!

– Черные коробочки на пулеметах. Похоже, подсоединены к ним напрямую.

– Ага. – Коробочки Теодор, разумеется, разглядеть не смог, зато понял, что это за крохотные алые огоньки по верхнему периметру стены. – Хорошо!

– Почему? – удивился напарник.

– Днем они были выключены. Значит, дедуля спит. А обычная камера наблюдения есть?

Дэн замешкался с ответом, перепроверяя данные.

– Нет. Или экранирована так, что я ее не могу засечь.

– Странно. – Теодора это тоже насторожило. – Неужели ему не интересно, по кому будут палить его пушки?

– Утром выйдет и посмотрит. Если что-то останется.

– Ха-ха, – прокомментировал пилот, хотя ему было вовсе не до смеха. – Ладно, нам же меньше геморроя. Знаешь, как эти штуки обойти?

– Либо облиться жидким азотом, – Дэн сделал паузу, давая Теду возможность представить эту картинку (а также последующий переброс получившейся статуи через забор), – либо спрятаться за непроницаемым для теплового излучения экраном.

Теодор посмотрел на черный горб на фоне звездного неба, который теоретически был останками корабля за пределами крепости.

– Как думаешь, найдется там что-нибудь подходящее?

– Давай проверим, – обреченно согласился рыжий.

Через полчаса к ограде медленно, но верно подползла хромая на все восемь ног черепашка с панцирем из куска толстого и почти негнущегося изоляционного материала. Уткнувшись в стену и экспрессивно посовещавшись сама с собой, инопланетная зверюшка немного побарахталась и встала на дыбы.

– Порядок, мы в слепой зоне, – доложил Дэн.

Теодор выглянул из «шалашика» с другой стороны. Вверху зловеще светился красный глазок, не замечая подобравшихся вплотную гостей.

Пилот вытащил из поясной сумки веревку с крюком, осторожно раскрутил и забросил на стену. Вытравил до упора, подергал – зацепилось надежно.

– погоди, – остановил его напарник. – Я первый.

– С какой стати? – фыркнул Теодор.

– Это же моя работа. Я для нее и создан. – Эмоции в голосе ДEX'a отсутствовали напрочь, что было еще красноречивее оных.

– А веревка – моя!

Киборг не стал спорить – просто развернулся лицом к стене, поднял руки и подпрыгнул. Не так уж и высоко, едва достав до края кончиками пальцев, но этого хватило.

На гребне напарники оказались почти одновременно. Тед перевел дух и покровительственно похлопал пулемет по стволу:

– Хорошая собачка!

Турель ворчливо заскрипела, напоминая «укротителю», что ему еще предстоит обратный путь.

Лестницу вредный старик на ночь убрал, пришлось спускаться по веревке. Прыгать невесть куда с трехметровой высоты, да еще в скафандре, не решился даже Дэн. Под стеной, впрочем, ни капканов, ни острого хлама не оказалось, а наполненная землей металлическая бочка до боли напомнила Теодору собственное цветочное хозяйство. Только вместо лейки рядом стояло нечто вроде самодельных двузубых вил в ошметках какой-то дряни.

– А это что такое? – Дэн поводил фонариком из стороны в сторону. Голубоватое пятно скользнуло по расчищенной и выровненной площадке, корежась на маленьких каменных холмиках.

– Кладбище, – сразу догадался Теодор. – Черт, много их как! Хотя... если на крейсере было полторы тысячи человек... а тут их где-то полсотни... значит, это те, кто умер уже после высадки. Погибших во время аварии они, наверное, похоронили в братской могиле, тогда им было не до церемоний.

– Они торопились построить стену, – согласился Дэн. – Но зачем? Пока мы не видели здесь ни одного животного, от которого не смогли бы отбиться максимум бластером. А в их распоряжении был весь армейский арсенал.

– Может, это защита от ветра и снега? – предположил пи-

лот. Приятное затишье за стеной создавало иллюзию, будто здесь даже теплее.

– А пулеметы?

– Дед установил, когда на мозгоедах свихнулся.

Рыжий промолчал, еще немного пошарил лучом, пока тот не уткнулся в створку шлюза, и осторожно спросил:

– Теодор, как ты считаешь, интуиция – это функция исключительно человеческого мозга?

– Думаю, на твой она тоже успешно устанавливается, – с усмешкой ободрил напарника пилот.

– Плохо.

– Почему? – растерялся Тед.

– Мне отчего-то очень приятно осознавать, что мы находимся уже по эту сторону забора.

Разблокировать наружную дверь труда не составило – там стоял примитивный электронный замок, с которым Дэну удалось договориться всего за пару минут. А вот с внутренним винтовым люком пришлось повозиться, потому что он зверски скрипел и откручивать (а потом и закручивать) его пришлось буквально по сантиметру.

Доблестная бригада принудительной психиатрической помощи немного постояла в «прихожей», оценивая обстановку и привыкая к свету. Потолочные лампочки, древние выпуклые полусферы, горели все, но очень тускло и временами помаргивая. Стенные панели местами были сорваны, явно для починки обнажившихся пучков проводов и труб,

выпирающих из дыр, как кишки. Судя по их количеству, где-то рядом находился машинный отсек, в который они стекались со всего корабля.

Напарники опустили щитки, а потом и вовсе стянули шлемы: наружные динамики ловили только относительно громкие звуки, а сейчас куда большую роль играли шорохи и свободный обзор.

– Воздух почти соответствует стандарту, – доложил рыжий. – Высокая влажность, уровень углекислого газа завышен вдвое, кислород в норме, плотность в норме.

– Значит, система внутренней циркуляции и очистки худо-бедно работает, – заключил Тед. – Видно, дед замкнул ее на уцелевшие сектора. А чем это так странно пахнет?

– Органические примеси. Безвредны.

– Ты бы и о Мося так сказал? – ворчливо поинтересовался пилот. Его уже начал нервировать избыток машинного канцелярита – неужели Дэна опять переклинило?

– Нет, – возразил рыжий и, когда Тед уже решил, что это весь ответ, невозмутимо пояснил: – Мося был не примесью, а основным компонентом.

Пилот сдавленно прыснул.

– Знаешь, твое чувство юмора меня иногда пугает, – признался он. – Не сразу и поймешь, шутишь ты или говоришь серьезно.

– Меня тоже.

– Э?

– Я тоже это не всегда понимаю. – Дэн бесшумно скользнул вперед, к ближайшей двери с круглым окошком. Разглядеть в него ничего не удалось, стекло запотело изнутри. – Похоже, это одно помещение. Техническое.

– Паровой котел в роли аварийного генератора? – фыркнул пилот, стягивая рукавицу и прикладывая к окну ладонь. – Между прочим, теплое!

– Но не горячее. Заглянем?

– Может, вначале осмотрим весь корабль? – заколебался Тед. – Заодно убедимся, что система гашения в порядке.

– А какой у нас вообще план? Скрутить деда и уколоть? – с сомнением уточнил рыжий. – С тем же успехом его можно просто оглушить.

– Это негуманно, – неубедительно возразил пилот и куда честнее добавил: – К тому же, подозреваю, он дрыхнет в каюте, запершись на трофейную швабру и положив ружье на грудь. Но я вычитал, что эту штуку можно не только колоть, но и пить! Главное найти, к чему подмешать.

– Ищем кухню или кладовку?

– Ага. – Теодор тем не менее остался на месте. – Эй, ты слышал?!

– Это снаружи. Кто-то движется к шлюзу. – Дэн, мгновенно приняв решение, дернул за ручку подозрительной двери. Изнутри с чмокающим «паф-ф-ф!» вырвался теплый пряный воздух, смутивший беглецов лишь на секунду: у «органических примесей» по крайней мере не было ружья.

– Ого, – уважительно прошептал Тед, прислоняясь к закрывшейся створке. – Ничего себе плантация!

Гидропоника у деда действительно была знатная: подвешенные к металлическим решеткам помидоры вымахали под потолок, а огурцы вообще плелись по натянутым под ним веревкам, уходя корнями в желоба с питательной средой. Тусклый красный свет превращал кусты в нечто глубоко инопланетное, особенно зловеще смотрелись растопыренные усики и сложенные щепотью побеги.

– Все-таки он не спит, – с легкой укоризной заметил Дэн, проходя в глубь ряда. Помидоры провожали его злыми красными глазами, собранными в гроздь, как у шоарских лис, а ботва пахла так, что у Теда забурлило в животе. Хотя команда нормально поужинала, время синтезатора еще не пришло.

– Прямо как в детстве, в деревне у бабушки, – прошептал пилот, глотая слюну. – Когда мы с друзьями ночью соседскую сливу общипывали.

– Точно, – рассеянно подтвердил рыжий, незаметно для напарника пронзая ботву инфракрасным зрением – вдруг в ней скрывается кто-то еще?

– Что, ты тоже в чужие сады лазил? – изумился Теодор.

– В капитанский парник на «Черной звезде». За вишней. Хотелось узнать, какая она на вкус. – Дэн моргнул, переходя на видимый спектр. Пока все было в порядке, и тратить энергию попусту не хотелось.

– И как, понравилась?

– Да. Особенно красная.

– Пустили киборга в парник... – захихикал пилот.

– Тсс! – Первым тревогу забил слух, а не зрение. К двери кто-то приближался, уже по внутреннему коридору. Крадучись, что мигом повысило статус проблемы с «переждем в укромном месте» до «кажется, нас засекли!».

Парни поспешно залегли и затаили дыхание. Теодор жестами показал: «Если начнет палить – разбегаемся в разные стороны!» Дэн кивнул и на всякий случай уточнил, в какие именно, чтобы впопыхах не столкнуться лбами.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем сторож набрался храбрости (или, наоборот, попытался запугать прячущихся в парнике) и красный полумрак прорезала белая, медленно расширяющаяся полоска. В такой же зловещей тишине сузилась и исчезла.

Тед покосился на Дэна, но тот покачал головой, а потом и сам пилот услышал один мягкий шаг, второй...

Дед решил, что в эту игру можно поиграть втроем. При чем окликать «мозгоедов» он даже не пытался, а значит, на предупредительный выстрел рассчитывать тоже не стоило.

Позиция у напарников была укромная, но невыгодная: стоит сдвинуться с места, чтобы попытаться зайти охотнику в тыл – и тут же окажешься на линии огня. Придется ждать, пока сторож не уберется подальше или не вынудит выскочить прямо у него из-под ног, эффект неожиданности даст хоть какой-то шанс.

Дед, зараза, это как чуял и застыл на месте, чем-то шурша и потрескивая. Бархатистый помидорный лист назойливо лез Теодору в нос, пару раз едва не заставив чихнуть. В конце концов пилот не выдержал, протянул руку и осторожно надломил черенок.

То есть хотел осторожно.

Щелчок вышел тихий, но такой отчетливый, что луч прямой наводкой ударил парня промеж глаз.

К счастью, луч был не лазерный, а фонарный, однако Теодор все равно обмяк и сдавленно застонал, осознав, что им крышка.

Это оказался не дед – а гораздо, гораздо хуже...

– Что ты... – Станислав перевел фонарик и взгляд на рыжего, более успешно сливающегося с помидорами. – Что вы здесь делаете?!

– Это я его заставил! – поспешно сказал пилот, только сейчас сообразив, что уж Дэну-то точно не стоило в очередной раз испытывать капитанское терпение.

– Ага, – хмыкнул капитан, – разумеется.

Спросить, как Станиславу Федотовичу удалось настолько быстро раскрыть их коварные планы, Теодор не успел. Повсюду вспыхнул нормальный, яркий белый свет, дверь с грохотом – явно с ноги – распахнулась, и в парник ворвался разъяренный дед в синем облегающем комбезе механика и стоптанных шлепанцах.

– Что, мозгоеды, попались?! – радостно заголосил он, по-

водя ружьем влево-вправо, как шлангом для поливки грядок. – А ну, руки вверх!

Станислав озадаченно покосился на свои руки – одна с фонариком, другая с бластером, отработанным движением нацеленным деду в лоб.

– Ты уверен? – мягко уточнил капитан. – У меня-то и прицел есть, и скорострельность повыше будет.

– Ха! – Ничуть не обескураженный сторож отвел ружье в сторону, но вместо того чтобы капитулировать, ухватил себя за грудки и с треском раздвинул молнию комбеза аж до паха: – Ну давай, пали!

– Блин, да он совсем чокнутый! – охнул Теодор. Впалую старческую грудь помимо форменной серой майки крест-накрест обтягивали две пупырчатые ленты термовзрывчатки. От лазерного луча она сдетонировала бы так, что Станислава с командой, пожалуй, еще опознали бы, а вот деда вряд ли.

– Так что бросайте оружие, сымайте скафандры, – торжествующе продолжил старик, видя произведенный его стриптизом эффект, – и валите на свою жестянку, покуда я добрый!

– Ничего себе добрый, – возмутился Тед, – там же мороз за сотню!

– Значит, быстро бежать будете, – премерзко захихикал дед, поводя плечами, чтобы помочь автоматической застежке поскорее сползти обратно. – И нечего мне тут глазки строить, знаю я ваше поганое племя: одно тело уморите – в

другое переберетесь!

– Во-первых, ничего мы тебе не строим! А во-вторых, никакие мы не...

– Ладно, человек, ты нас раскусил, – устало сказал Станислав, роняя бластер и невысоко, но красноречиво поднимая руки. – Мы действительно космические мозгоеды.

– Ага! – пуще прежнего возликовал дед, поудобнее перехватывая винтовку, но не спеша палить веером: для парничка в ледяной пустыне это могло обернуться трагедией.

– И мы прилетели сюда, – монотонным голосом инопланетного паразита продолжал капитан, – чтобы забрать своего собрата, уже тридцать лет томящегося на этой отсталой неприветливой планете.

Такого оборота дед явно не ожидал. Он попятился и ошалело покосился на залегшую в помидорах парочку.

– Слушай его, носитель! – мстительно подтвердил Теодор. – В нем сидит наш вождь.

– И где ж этот ваш собрат прячется? – нервно заозирался дед. – Тута других людей нету!

– В тебе, – так убежденно сказал капитан, что даже пилоту стало жутковато. – Отдай его нам, и мы оставим тебя в покое.

– Врешь, – неуверенно возразил дед, поспешно ощупывая голову левой рукой и тут же возвращая ладонь на приклад, – я бы почувствовал!

– Ты недооцениваешь нашу древнюю и могучую расу, – неожиданно поддержал капитана и Дэн. Уж ему-то изменен-

ный, пониженный и однозначно «нечеловеческий» тембр голоса дался без всяких усилий, вздрогнул не только дед. – Она способна незаметно паразитировать даже на киборгах.

Теодор уткнулся лицом в подвернутую руку, одновременно изображая почтение перед «вождем» и затыкая рот рукавом, чтобы не расхохотаться.

– Докажите! – дрожащим фальцетом потребовал дед.

– Бессонница, утренняя сухость во рту, ломота в суставах к дождю – мы сырость не любим, – принялся бесстрастно перечислять «симптомы заражения» Станислав. – Иногда ты даже можешь слышать его голос, дающий тебе ценные советы.

Судя по обескураженно вытянувшемуся лицу деда, голоса он слышал регулярно.

– А я-то, старый дурак, думал, что потихоньку с катушек съезжать начинаю! – пробормотал он, глубоко ковыряя пальцем в ухе. – А оно вона как!

– Не бойся, это совершенно безболезненная операция, – продолжал ковать железо капитан. – После маленького укольчика наш соплеменник сможет незаметно покинуть твое тело и перебраться в более подходящего носителя.

– А я его чем не устраиваю? – внезапно возмутился дед.

– Ты стар, слаб и не представляешь для него практически-го интереса, – безжалостно отрезал Станислав. – Мы подготовили для него новое тело, обманом заманив на корабль молодую самку. Она уверена, что мы обычные грузоперевозчи-

ки.

– Это я-то стар и слаб?! – Дед запальчиво выпятил грудь. – Променять меня на какую-то бабу? После стольких лет вместе? Фигу! А ну пошли вон отсюда!

Станислав тихонько заскрипел зубами, однако все-таки предпринял еще одну попытку.

– Дедушка, – ласково сказал он, – мы хоть и монстры, но не подонки же! У нас тоже свой кодекс чести имеется. Сам подумай – ну как мы можем бросить товарища в беде? Вот ты бы своего бросил?

Дед задумался. «Мозгоеды» с надеждой ждали, боясь лишний раз моргнуть, чтобы не спугнуть «жертву».

– А может, он сам... – медленно начал старик.

И тут по крыше будто камень ударил.

Переговорщики дружно задрали головы.

– Что это? – шепотом спросил Тед, и в ту же секунду звук повторился пятью метрами дальше.

Вместо ответа дед по-армейски грубо выругался, подскокил к стене и с размаху хлопнул ладонью по выключателям. В ухнувшем в темноту парнике заметались фонарные лучи: три – бестолково шарящих по сторонам и один – целеустремленно движущийся поперек теплицы. Добравшись до стены, дед принялся что-то высматривать в иллюминаторы, перебегая от одного к другому и матерясь все замысловатей. Удивленный, но не утративший военных навыков Станислав занялся тем же, только со своего конца ряда. Первое окно –

пусто. Второе – то же самое, только сбоку мелькнул отсвет чужого фонаря. Третье – пусто, четвертое...

– Твою ж ... ..! – Бывший космодесантник полагал, что забыл эту лингвистическую конструкцию, но, оказывается, подсознание трепетно хранило ее для подходящего случая. Исключительно подходящего.

К стеклу почти прижимался обвисший трупик «птички», истекающий тягучей слизью, и стискивающие его челюсти.

– Жучка! Сторожиха моя! – охнул дед и опрометью кинулся к двери.

Толком разглядеть хищника не удалось – ослепленный светом, он почти сразу же отпрянул от иллюминатора. Капитан поспешно выключил фонарик и прильнул к стеклу, но с тем же успехом можно было пронзать взглядом черную стену.

– Что там, Станислав Федотович? – запоздало присоединился к нему Теодор.

– Какое-то животное. – Капитан снова посветил во двор. Редкие кружащиеся в воздухе снежинки блестели, как стальные опилки.

– Но как оно проскользнуло мимо термодатчиков на пулеметах? – недоуменно сказал Теодор.

– А что, они там были? – Станислав нервно провел рукой по груди, словно проверяя, нет ли в ней незамеченной дырки от незамеченной пули.

– Были, – тихо подтвердил из-за соседнего куста Дэн, и все

сразу поняли, благодаря кому датчиков больше нет. – И была высокая вероятность, что покидать объект придется в спешке и совсем не в том месте, где лежит наш экран. В шлюзе слева от входа есть рубильник...

Дед, видно, туда и побежал, потому что на стене поднялась ушераздирающая пальба. В огневых зарницах мелькали черные тени, клубился дым. К сожалению, пулеметы били только вперед и вверх, и те твари, что успели перелететь через ограду, так во дворе и остались. Одна продолжала тяжело скакать по крыше (кажется, их там было даже две), другая возилась под стенкой, пробуя ее не то на клык, не то на коготь.

В парнике снова стало светло, точнее, красно. Старик вернулся уже в скафандре, обвешанный штурмовыми винтовками, громыхающими друг о друга, как средневековые доспехи.

– Чего вылупились?! – рявкнул он. – Напустили вредителей – теперь идите выгоняйте!

– А может, подождем, пока они сами не уберутся? – предложил Теодор. – Облазят двор, убедятся, что жрать тут больше нечего...

– Мозгоед, а дурак, – насмешливо перебил дед. – Это ж главоклюи, они сейчас слабинку найдут и внутрь прорываться будут!

– Сквозь обшивку боевого крейсера? – Станислав решил, что это очередной вираж стариковой паранойи.

– Сквозь вентиляцию, дубина! Откуда теплым влажным духом тянет, туда они и рвутся, как лисы в курятник!

– Но там же клапаны, фильтры, решетки... – не поверил капитан. – Какие зубы нужны, чтобы все это прогрызть?

– А они и не грызут. – Дед проверил индикатор патронов, на всякий случай взвесил винтовку в руках, чтобы убедиться – техника не врет, и внезапно кинул оружие Станиславу: – На тебе нормальное ружьишко, твоей светилкой их шкуру не пробить! И не стой напротив хари – из скафандра еще выпрыгнуть успеешь, а стекло сразу потечет.

Капитан растерянно сунул бластер в кобуру. Винтовка была старая, тяжелая и неудобная, но содержалась в отменном порядке. Ни пятнышка ржавчины, ни пылинки.

– А вам что, отдельное приглашение требуется? – напустился дед на остальных. – Разбирайте оружие, надевайте шлемы!

– Ух ты! – восхитился Теодор, первым вцепляясь в винтовку. – Какая игрушечка!

– А ты с ней справишься? – подозрительно уточнил Станислав.

– Я убил из похожей сотни шоарских лис! – нахально заверил его пилот, с таким кровожадным видом наставляя винтовку на иллюминатор, что капитан поспешил обратиться не то что с линии, а и из сектора обстрела.

Дэн отнесся к оружию куда равнодушнее – просто взял и повесил на шею, слегка подтянув ремень, чтобы приклад

оказался на уровне правого плеча, а дуло смотрело чуть вниз. Ему Станислав лишних вопросов задавать не стал.

* * *

Первого главоклюя они увидели прямо из шлюза – черный, непрерывно колышущийся сгусток, будто с креплений сорвало одноместную палатку и ветром гоняет по двору. Зверь их тоже заметил – складки раздвинулись, и показалась гладкая, безглазая морда, наиболее примечательной частью которой были не челюсти, а широкая глотка. Изнутри она блестела, как стеклянная, и, похоже, была светочувствительной, потому что раздраженно запульсировала под лучом фонаря.

Прежде чем команда успела хорошенько рассмотреть тварь, дед захлопнул дверь. По ней тут же что-то шлепнуло, и старик, довольно хекнув, опять приоткрыл створку.

Приблизившийся на пару метров главоклюй разразился низким, быстро затухшим воем, после которого еще несколько секунд не закрывал пасть и судорожно подергивал горлом, будто пытаясь отдышаться. Но почему-то именно в этот момент стало особенно жутко, аж грудь сдавило.

– Разрядился, так теперь инфразвуком давит, скотина, – небрежно пояснил дед. – Что, очкуете с непривычки?

Станислав не представлял, как к такому можно привыкнуть. Проще побороть страх, поэтому капитан сжал зубы, хо-

рошенько прицелился и всадил пулю прямо в грудь крикуна. Брызнуло, главоклюй подскочил, будто жирная хрюшка, которую пнули сапогом, и с очень похожим визгом метнулся вдоль ограды, исчезнув из поля зрения.

– У них там плёвок – слоев тридцать, – снисходительно сообщил дед. – Даже бронебойная вязнет. В рыло сади, когда развяжит, ну или по крыльям-суставам можно.

– А раньше нельзя было сказать? – Станислав осторожно высунулся из проема и пошарил по двору фонариком. Но там, куда он добивал, было пусто.

– Личный опыт – лучший учитель! – пафосно изрек старик, переступая порог. – Пошли, ща я тебе покажу класс, салага! А вы дуйте в другую сторону, загонять их будем.

Капитан хотел сердито возразить, что у него двадцать лет личного опыта и восемь наград, а идея с разделением ему совершенно не нравится. Но разделиться все-таки пришлось, причем экстренно. Спикировавшая с крыши тварь попала под перекрестный огонь и рухнула на землю подергивающейся кучей тряпья. Дед лихо всадил в нее финальную пулю, и трепыхания сменились конвульсивной дрожью.

– Патроны-то берегите, – неодобрительно заметил он. – У меня их всего семь ящиков осталось.

Станислав предпочитал беречь себя, поэтому без малейших угрызений совести сменил опустевшую обойму.

– Пулеметы у тебя самоделом заряжены, и ничего, оборону держат.

– Дык отпугнуть-то проще, чем пришибить! Они ж тупые, как мухи, – с досадой и одновременно с чувством превосходства сообщил дед. – Сколько мы их уже положили и поцарапали, а все равно каждую ночь прилетают, ничему не учатся.

– Интересно, почему они не нападают на наш корабль? – удивился Теодор. – Вроде ж по соседству сидим.

– На кой вы им сдались? – презрительно фыркнул дед. – Они же травоядные!

– Что?!

– Ну да. – Старик вернулся к двери и пинком заставил ее закрыться. – В теплицу рвутся, вредители проклятые! А мы для них – просто помеха!

– Твою ж мать! – вырвалось у пилота.

По центру створки красовалось огромное зеленова-то-желтое пятно слизи, углублявшееся на глазах. Обшивка таяла, как мороженое под каплей горячего шоколада, серебристыми каплями стекая вниз.

– Ага, – равнодушно откликнулся дед, обходя наконец-то затихшую тушу. – И ботва точно так же – в кисель, только всосать остается. Во, я же говорил!

Луч фонарика скользнул по боку корабля до крыши и уперся в огромный шевелящийся ком, устранивший даже без инфразвука, пока Станислав не сообразил, что «монстр» состоит из пяти, а то и шести сбившихся в кучу тварей.

– Получайте, гадины!

Увы, на этот раз дед промахнулся. Главоклюи с равной

прытью разлетелись в стороны, не дав понять, какой из них подранен, и стал виден зад седьмого, уже наполовину протиснувшегося в вентиляционную шахту.

– Ах ты ж, холера! – Дед расстрелял по нему всю обойму, но только загнал паразита еще глубже. – Кончайте остальных, а я побегу внутри его встречу! Если насквозь пробуровит – прощай, урожай!

Убежал он очень вовремя: главоклюи вернулись и мстительно обстреляли людей тяжелыми сгустками не то желудочного сока, не то просто охотничьего растворителя. Дальность и меткость, к счастью, у них хромали, приходилось подлетать и плеваться почти в упор, так что главным было этого упора не допускать.

– Прости, друг! – на бегу пробормотал Станислав, нечаянно сбив один из могильных холмиков. – Потом поправлю.

Мертвец все-таки обиделся, потому что капитан споткнулся и влетел под перевернутый остов флайера не перекастом, а кубарем. Мгновением позже потолок потек ему на голову, но Станислав и не собирался там отсиживаться – прополз до кормы, высунулся в дыру, некогда проделанную, похоже, тем же способом, и с пятой пули снял-таки плевуна.

– А я еще тетку ругал, что дачу всяким старьем захламляет! – Тед выглянул из-за кучи каких-то железяк, пальнул и промахнулся. – Оказывается, от него тоже бывает польза. Берегись!

Дэн, только что покончивший с одним главоклюем, раз-

вернулся и повел огонь по другому. Тот оказался проворнее: мощными гребками мембран погнал тело назад и вверх, да так расстарался, что сдуру вылетел за пределы крепости. Пулеметы с готовностью его обгавкали, отбив охоту возвращаться.

В «замке» тоже загрели выстрелы, а потом из вентиляционного отверстия повалил белый густой дым, будто в теплице вспыхнул пожар. Но это была всего лишь оледеневающая на морозе влага.

– Эй, дед, ты цел? – окликнул Станислав и, не дождавшись ответа, сначала испугался, а потом сообразил, что внутренней связи со стариком у него нет. – Дэн, сбегай погляди, что там происходит! У тебя патронов хватает?

– Да, – отозвался киборг с вполне объяснимой заминкой: не очень-то сподручно перескакивать через бочку, обрушивая ее за собой главоклюю в морду, и одновременно разговаривать.

Боеприпасов у капитана оставалось негусто, всего полторы обоймы. И половину тут же пришлось потратить, прикрывая Теодора, перебежавшего в другое укрытие. Пилот быстро отдалился, не сбив, зато отшвырнув пулями тварь, нацелившуюся на капитана, а затем Станислав помог ей упокоиться окончательно.

У едучести растворителя был предел: дверь насквозь не прожгло, а остатки слизи замерзли и выглядели безвредными. Дэн все-таки постарался их не касаться, отжал неплотно

прикрытую створку прикладом.

Осторожность, с которой киборг подкрался к входу в парник, оказалась излишней. В центре пола лежал главоклюй, до своей бесславной кончины успевший изрядно потравить грядки. Дед барахтался под кучей упавших шпалер, но, судя по яростным комментариям, страдал он преимущественно морально. Плотность воздуха и содержание кислорода в теплице резко упали, однако это было еще полбеды. Куда большую угрозу представляла дыра, в которую красиво сыпались снежинки, тая на полпути к полу. Пока – тая. Ближайшие ветки на глазах обрастали инеем.

– Теодор, как ваши дела?

– Последнюю гоняем, – задыхающимся голосом откликнулся пилот. – Верткая, зараза!

– Не гоняйте, пусть лезет сюда.

Пальба прекратилась. Дэн спокойно ждал, не обращая внимания на дедовы требования немедленно бежать за лестницей и сварочным аппаратом, а также обещания воспользоваться этим аппаратом не по назначению, если «мозгоед» не кинется выполнять приказ.

Снежинки исчезли. Вентиляционная шахта, даже оплавленная слизью, была узковата для главоклюя, но он упорно по ней пропихивался, волнообразно работая боками, как дождевой червяк.

В помещении одинокий выстрел прозвучал куда громче, чем оголтелая пальба во дворе.

– Ну что тут у вас? – ворвался в теплицу Станислав, а за ним и Теодор.

– Сектор очищен, утечка ликвидирована. – Рыжий небрежно уронил винтовку на пол и пошел выпутывать деда. Пилот повернулся на звук кровавой капли, задрал голову и уважительно присвистнул. Туша если и не наглухо закупорила дыру, то по крайней мере давала время заменить ее чем-нибудь более подходящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.